

Путин.

Андрей Колесников

Человек с Ручьём

Наблюдения журналиста из-за Стенки

Андрей Колесников
Путин. Человек с Ручьем

«ЭКСМО»

2018

УДК 23(092) Путин В.В.
ББК 66.3(2Рос)9 Путин В.В.

Колесников А. И.

Путин. Человек с Ручьем / А. И. Колесников — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-091416-6

Здесь собраны лучшие истории о Владимире Путине, написанные спецкором ИД «Коммерсантъ» Андреем Колесниковым за 17 лет, — и самые свежие, и те, которые относятся к временам, когда вопрос «Who is Mr. Putin?» еще даже не был сформулирован. Однако уникальной эту книгу делают не столько репортажи, вошедшие в «золотой фонд» отечественной журналистики, сколько воспоминания и размышления автора, его комментарии к собственным заметкам. Этого всего Андрей Колесников раньше не рассказывал. Профессиональные секреты и детали, оставшиеся «на полях», эпизоды, не вошедшие в репортажи, и подробности «негазетного формата» ... Все теперь здесь. Да, Владимир Путин — человек с Ручьем. С самого начала настоящий символ его власти — резиденция президента Бочаров Ручей в Сочи. Неброский вроде, невыпячиваемый, но обширнейший и постоянный. Закрытый с суши, моря и воздуха. Он всегда с Владимиром Путиным. Владимир Путин очень уж часто там. Не все способны оценить по достоинству великое значение Бочарова Ручья. А на самом деле — флаг, гимн и Бочаров Ручей. Все годы, что Владимир Путин у власти, — всегда Бочаров Ручей. Даже снимок на обложке оттуда, из Бочарова Ручья. Так что и про Владимира Путина можно с уверенностью сказать: человек с Ручьем.

УДК 23(092) Путин В.В.
ББК 66.3(2Рос)9 Путин В.В.

ISBN 978-5-04-091416-6

© Колесников А. И., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Допредисловие	6
Предисловие	12
Про жизнь и про смерть	22
Про врагов	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Колесников

Путин. Человек с Ручьем

Допредисловие

В первую свою командировку с Путиным я вообще-то выехал без Путина. Я тогда не работал в кремлевском пуле. Мы написали тогда с Натальей Геворкян и Натальей Тимаковой книжку «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным». И я тогда занимался таким эпическим жанром в журналистике, который главный редактор «Коммерсанта» Андрей Васильев называл «путевыми заметками». И, честно говоря, ни о чем таком даже не помышлял – работать в кремлевском пуле.

Мне казалось (самонадеянно, конечно), что после такого времени, проведенного с Владимиром Путиным чуть ли не наедине, да еще после ночных разговоров, стать просто одним из журналистов кремлевского пула – это как-то несерьезно, что ли. И я, честно говоря, после книжки с облегчением вернулся к тем занятиям, которые у меня были до этого. Я писал большие очерки, репортажи размером в полосу-полторы про русский характер. Были у меня заметки о том, например, почему наши люди – те же рыбаки – так бескомпромиссно, прямо в полынью зимой шагают за корюшкой в Финском заливе или едут на своих внедорожниках считай что в воду – подальше, на километр-два от берега, понимая, что даже если они прорвутся туда, в глубь Финского залива, то обратно днем, когда уже все подтает, они уже точно не вернуться никогда.

Корюшка и рыбаки очень похожи. Их привлекают риск и опасность. И у тех, и у других есть шанс. Рыбак ведь может и не оторваться от берега на льдине, а корюшка может и сорваться с крючка...

На бескрайнем льду Финского залива столкнулись две машины, «шестерка» и «девятка». Столкновение было практически лобовое. «Девятке» при этом досталось больше. А еще больше досталось водителю «девятки», которого до крови избил водитель «шестерки». Тот был уверен, что это «девятка» нарушила правила, не уступив дорогу. Водитель «девятки» с риском для жизни утверждал, что почему-то нигде не видел знака «Уступи дорогу», да и вообще склонен был вызывать гаишников. Его машина, как потом выяснилось, была застрахована, и ему позарез нужна была справка для страховой компании.

– Вот это я понимаю! – восхищенно сказал Виктор Иваныч. – Вот это съездили люди на рыбалку!

И вот я писал про русский характер. Почему наши люди такие. Почему они летом тонут. Почему они идут, приняв, купаться, прекрасно зная, что назад уже не вернуться, но все равно идут в воду и тонут в московских водохранилищах. И все это имело под собой конкретное такое объяснение, что это все – русский характер. Вот такой он у нас.

Кстати, Владимир Путин, не стань он президентом, все равно мог оказаться героем моих очерков как раз про этот самый русский характер. Он же, собственно говоря, в каком-то смысле образец русского характера. Тут надо понимать, правда, что такое русский характер. Надо понимать всю его абсурдность, авантюристичность, непредсказуемость и при этом потребность человека, великого носителя русского характера, идти во что бы то ни стало и вопреки здравому смыслу чаще всего, идти и побеждать в конце концов в обстоятельствах, в которых победить немислимо, а главное, чаще всего незачем. Это и есть апофеоз русского характера.

Вспомните, например, полет со стерхами. Это апофеоз русского характера. Ну зачем это было делать? Вот кто это может объяснить? Вот садишься в этот аппарат, принимаешь вид погонщика стерхов и ведешь их как пастух разбредаящееся стадо. Для этого, конечно, нужно обладать русским характером.

Минут 15 Владимир Путин кружил в воздухе, управляя дельтапланом. Или нет для этого профессионалов? Почему обязательно самому надо было возглавить стаю стерхов? А очень нравится, сам он объяснил потом, «адреналинчик играет», не то что на истребителе, где ручку управления берешь, делаешь «бочку» (сознательно или скорей несознательно), да и все, дальше автоматика работает...

– Всем рекомендую попробовать, – закончил президент.

Рационального объяснения этому нет, конечно. Можно пытаться объяснить это с точки зрения пиара, но и это не будет объяснением. Никакой идеей пиара это не исчерпывается. Это русский характер – взять и взмыть в небо со стерхами с большим риском приземлиться, как Икар на самом-то деле. И такие поступки были свойственны Владимиру Путину, особенно в начале его президентского пути.

Но это не просто порыв. Это более или менее осознанное, но не до конца осознанное им самим действие. И даже скорее всего до конца не просчитанное, потому что такие действия до конца невозможно просчитать. Все равно остается высокая доля риска.

Что он думает в этот момент? Наверное, что-то вроде: я, во-первых, хочу, во-вторых, должен – но это же надо еще самому себе объяснить, почему ты должен, ведь с точки зрения здравого смысла это бессмысленно; ты это все равно себе до конца никогда не объяснишь. Но ты садишься в этот истребитель или даже в комбайн и, не умея им управлять, но в уверенности, что ты все равно сейчас научишься – ну чему там учиться особо, да? – трогаешься, чуть не наезжая при этом на своего же пресс-секретаря, который спасается просто чудом... Это – русский характер. Что же это еще?...

Была у меня еще заметка про наступление грибов в Воронежской области, которая помимо моей воли на моих глазах почему-то, по мнению многих, превратилась в классику жанра, каковой она, по-моему, не является. Я бы переписал там, например, полностью финал. Он был бы другим, лучше. Мне так сейчас кажется. Хотя, может, еще через полгода мне бы так уже совсем не казалось – и это нормально, наверное. И это, наверное, говорит о том, что моя журналистика не омертвела во мне самом.

И вот я писал спокойно эти заметки и считал, что я в этом жанре себя не исчерпал.

Сосед начальника ГО МЧС Воронежа на днях отравился грибами. К счастью, отравился он не сильно, потому что не успел съесть много, ему промыли желудок и выписали, он очень просился домой.

Зачем же он просился? – спросите вы. А просто он хотел доест эти грибы, потому что не пропадать же им, в конце концов. А доев, он через несколько дней и умер в больнице.

В городе и области, считай, военное положение. Идет война с грибами. Грибы побеждают. Их запрещено собирать и продавать. Распоряжениями руководства города и области установлены наказания за хранение, употребление и распространение грибов.

Но вот гражданина Денисова наряд милиции задержал с поличным прямо в Центральном парке. И вроде ему деваться некуда: пакет с грибами в руках. У него проверяют документы. Оказывается, это не просто Денисов, а сотрудник станции защиты растений. Ему говорят:

– Как же так, нехорошо, гражданин, вы же лучше других должны понимать, какая обстановка в городе...

А он встает в позу обиженного человека:

– Да я всю жизнь эти грибы собираю и собирать буду! Потому что я не только грибник, а и человек, и у меня тоже есть права.

Тогда милиционеры на ходу меняют тактику и говорят:

– Вот мы вам их сейчас и зачитаем. Итак, гражданин, пройдемте в отделение, составим протокольчик...

Денисов тут бледнеет, как поганка, потому что не хочет провести ночь в КПЗ даже из-за любви к грибам, и тоже тогда меняет тактику:

– Значит, так. Я эти грибы не собирал.

– Как это? – делано удивляются милиционеры.

– Я их... нашел!

Тут уж милиционеры по-настоящему удивляются. Они чувствуют подвох, но не могут его обнаружить.

– А разница-то какая? – честно спрашивают.

– Такая! – с торжеством говорит Денисов. – Нашел всю кучу прямо в пакете, поднял, чтобы посмотреть, нет ли в ней ложных опят и бледных поганок, а тут вы!

– Не хитрите, гражданин, – облегченно говорят ему милиционеры, поняв, наконец, смысл этой уловки. – Вас взяли с поличным.

И тогда Денисов в полном отчаянии решается на крайнюю меру:

– Нет, не взяли. Мне их подбросили, эти ваши грибы!

– Кто?

– Вы!

– Когда?

– Только что! Я сам видел...

И этот разговор продолжается еще долго и заканчивается штрафом в размере трех МРОТ прямо тут, в Центральном парке, хотя мог закончиться и гораздо, гораздо хуже, потому что милиционеры очень обиделись на его последнее предположение.

А еще я отвлекался и на сиюминутные события, которыми страна жила, ездил на репортажи в горячие точки. Но не так, конечно, часто, как в «Московских новостях», где это раньше было моей непосредственной работой. Но тем не менее по мере необходимости и такое тоже было. А потом раз – и поступило предложение от главного редактора Андрея Васильева закрыть брешь, которая образовалась в кремлевском пуле после ухода Вики Арутюновой, которую позвали на ВГТРК, где она до сих пор работает, по-моему, заместителем гендиректора по связям с общественностью, и я согласился. Он меня купил тем, что это хотя бы на две недели, ну, максимум на месяц, пока мы ищем замену Вике – все равно, значит, без тебя с этим никто особо не справится.

До этого была история с «Курском». Когда я, еще не будучи журналистом кремлевского пула, там оказался. Это была сложная история. Ни одного журналиста из этого так называемого кремлевского пула там ведь не было, в Видяеве. Потому что Владимир Путин хотел поговорить с матерями и с женами подводников (а все ведь понимали, что на самом деле со вдовами уже) один на один. Тележурналист Аркадий Мамонтов, именно тогда – и, видимо, насовсем – прославился своими ежечасными, без преувеличения, прямыми эфирами на канале «Россия 1» (тогда он, по-моему, РТР назывался). Он тоже туда не ехал же. Ему тоже сказали, что там ничье присутствие не желательно. Да и там-то, внутри, не было журналистов. И по той же самой причине. Все объясняли это слишком деликатной ситуацией. Хотя эту ситуацию нельзя было

считать настолько деликатной, я полагаю, чтобы заблокировать все Видяево от журналистов. Потому что это было то, чем жила не только Видяево – этим жила тогда вся страна. Вся страна умирала вместе с этими моряками и нуждалась хоть в какой-то информации об этом. А ежедневные включения такие заполнить хоть чем-то – да, это был подвиг...

В результате то, как я попал туда, было такой совершенно репортерской историей, конечно. У нас в это время активно работал Российский фонд помощи, который был создан по мотивам существования газеты «Не дай Бог!», функционировавшей в 1996 году, накануне выборов президента России. И в чем-то, а большое количество людей настаивают, что во многом, я считаю, оказавшей влияние на эти выборы. В последнем номере мы напечатали, когда уже было ясно, что победили товарища Зюганова, и притом триумфально, письма людей, которые читали эту газету (а они не могли ее не читать, потому что она распространялась тиражом в 10 млн экземпляров, на прекрасной бумаге, к тому же еще и бесплатно; это было единственное издание, которое лежало во всех почтовых ящиках страны; формата – как тогда называли – «Правды»).

И там был адрес редакции. Люди брали в руки эту единственную доступную им газету, видели этот адрес – а они же еще помнили, что можно написать в газету, и получить ответ, и решить проблему. И мы получали просто мешки писем с просьбами о помощи. И тогда Володе Яковлеву, владельцу «Ъ», пришла в голову светлая идея сделать Российский фонд помощи, которым занялся Лева Амбиндер, работавший в газете «Не дай Бог!» не помню уже даже кем. Сейчас это грандиозная организация, у него там 300 человек работает. Называется она сейчас «Русфонд» – как я понимаю, так короче. Но выросла она оттуда, из Российского фонда помощи.

И, в общем, мы с сотрудником Российского фонда помощи обратились с просьбой взять нас на борт с родственниками, которые летели в Видяево из Москвы.

Просьба была законная, потому что мы реально хотели помочь: мы хотели составить полные списки, которых не было тогда; и благодаря нам, кстати, они появились – точные списки подводников – в общественном пространстве. Они до этого были такие сбивчивые, противоречивые. Даже там, на месте, в Видяеве. И мы занимались тем, что составляли их; и я тоже занимался этим, помимо того, зачем туда приехал.

А вообще, конечно, это было для меня впечатляющее зрелище. Во-первых, мы летели тем бортом только с родственниками. Потом вместе с родственниками сели в два или три автобуса, и – в чем, собственно, впечатляющее зрелище и состояло – эти автобусы выезжают за ворота аэропорта, и я вижу десятки, наверное, даже сотни журналистов, которые стоят по обе стороны автобусов у забора. Стоят, значит, коллеги наши... А я – ну чего говорить, спецкор газеты «Коммерсантъ» – смотрю на них из-за затемненных окон этого автобуса и еду дальше напрямик в Видяево.

По-журналистски это было, наверное, то, что тогда было нужно. И жили мы вместе с ними на пароходе, и со многими тогда просто породнились, я считаю. И большая часть моей работы там была не журналистская, а именно в качестве сотрудника этого фонда. То есть я не занимал чье-то место. Мы много сделали.

На встрече с президентом Путиным в Доме офицеров гарнизона Видяево рядом со мной сидела немолодая женщина. Она задала несколько вопросов президенту, и он долго отвечал, так долго, что она, мне показалось, потеряла к нему интерес и спросила меня, верю ли я в то, что он действительно отдаст деньги, которые только что пообещал ей и остальным родственникам. «Я, – сказала она, – не верю, потому что такого еще не было». Она была в курсе ситуации в Южно-Сахалинске, когда после землетрясения правительство России пообещало предоставить всем пострадавшим квартиры и даже дома – и почти никому в итоге ничего не дало. Знала, что, когда взорвались дома

в Москве, Лужков свои обещания выполнил, а правительство России опять обмануло людей.

Я мог сам привести и другие примеры, но не стал. Потому что дело-то не в этом. Выполнит или не выполнит свои обещания президент? Не знаю. Хорошо бы, конечно. Но я знаю, сколько других людей, кроме него, хотят помочь людям, попавшим в эту страшную беду, но не знают как.

Женщина, о которой я рассказал, потеряла на этой подлодке своего сына. Ему было 19 лет, и за две недели до смерти был день рождения у его отца. Он прислал отцу свидетельство подводника, которое только накануне получил. Он написал, что это единственное, что у него есть, единственный подарок, который он может сделать своему отцу, подводнику с тридцатилетним стажем.

Я сказал ей, что есть Российский фонд помощи, который может помочь, если напечатает в газете «Коммерсантъ» ее адрес и номер счета в банке. Она, мне показалось, обиделась. Она сказала, что ей не нужны ничьи деньги. Она сказала, что ей нужен ее сын, расплакалась, а потом спросила Путина, когда достанут со дна моря ее мальчика. Путин ответил, что скоро, в течение нескольких недель. Вот с этим она теперь и живет.

Никто из них ни у кого не просит и не попросит помощи. Но если бы вы только знали, как она им нужна. Не стану рассказывать, что представляет собой поселок Видяево, где живет подавляющее большинство семей экипажа «Курска», – на это просто жалко места. Вы поверите, что все там дышит на ладан. Но расскажу про квартиры, в которых они живут по многу лет. Я был в них. Там, конечно, нет горячей воды. Но во многих квартирах нет даже унитазов – не поставили, когда строили, а потом у новоселов так за всю жизнь и не накопилось денег – или просто сломались. Заходить в эти квартиры неловко – боишься обидеть тем, что видишь, как им тут живется. Они нищенствуют и всю жизнь копят на то, чтобы выучить своих детей, которые не должны жить так, как они, и все в душе гордятся, когда их дети выбирают военные училища, то есть ту же нищенскую судьбу.

Да, они обижаются, когда слышат, что им хотят помочь. Но как же им нужна эта помощь!

И вот я узнал, что журналистов никаких не будет, что Путин прилетает. Я поговорил с Алексеем Алексеевичем Громовым, который тогда был пресс-секретарем и который, надо отдать ему должное, сказал: «Да, я знаю, что ты здесь. Но все-таки он бы хотел поговорить с ними один на один». Но прямой просьбы не приходило я не услышал. Честно говоря, не знаю, как бы я действовал в таких обстоятельствах, если бы подобная просьба прозвучала... не могу даже прогнозировать, пошел бы я или нет. Но, поскольку такой просьбы не было, я даже не думал, идти ли.

Дальше все зависело от самого президента. Я сидел во втором ряду. Он посмотрел на меня со сцены, на которую поднялся, – и я просто видел, как с обеих сторон от него люди (в том числе и сотрудники ФСО) ловили его взгляд: вот чуть-чуть бы он по-другому посмотрел, качнул бы головой, сделал бы едва уловимое движение, незаметное, может быть, даже мне, – и меня не было бы уже в этом зале. Но он, видимо, такого движения не сделал, и я остался. Более того, мы записали весь разговор на диктофон. Потом я передал эту запись Максиму Ковальскому в еженедельник «Власть»; они там ее расшифровали – было как-то не очень хорошо слышно, но они разобрались тем не менее с этим. И событием стал не только репортаж о встрече в Видяево, но и через некоторое время публикация в еженедельнике «Коммерсантъ-Власть» этой стенограммы, которой, разумеется, ни у кого не было и быть не могло.

Получается, что с Видяева в каком-то смысле и началось такое журналистское общение с Владимиром Путиным в качестве президента. И за время этого общения он всегда реагировал на мои вопросы. Даже когда он уходил от ответа – бывало и такое, конечно, как хотя бы на пресс-конференции 2016 года, – все равно он отвечал. Произносил какие-то слова, максимально возможные в той ситуации. Так что у меня вопросов к нему нет.

На самом деле вопросов, как ни странно, еще много. Я, например, все время забываю поинтересоваться, пишет ли он стихи. Потому что таланты открываются последовательно и с интервалом в годы. Вдруг он садится за рояль и начинает играть. Кто бы мог подумать, как говорится. Потом раз – рисует кошку какую-нибудь. Просто на пустом месте. Никогда он о таком своем умении до сих пор не говорил. Никогда таких навыков не демонстрировал. А видно, что есть в нем какие-то способности к этому – к рисованию кошек. А потом начинает петь. Я думаю, что скорее всего выяснится, что и стихи-то он тоже пишет какие-нибудь. Я не исключаю, что в журнале «Русский пионер» мы их и опубликуем первыми. Вообще не исключаю.

Есть, конечно, к нему и еще кое-какие вопросы. Чуть более серьезные. Еще пока что остались. Но я думаю, что будет время их задать.

Предисловие

7 мая 2000 года в Андреевском зале Государственного Кремлевского дворца состоялась церемония инаугурации Владимира Путина. Это была не первая полноформатная встреча президента и журналиста, но первый полноформатный репортаж о такой встрече.

Инициативная группа из ближайшего окружения первого президента России за две недели до мероприятия убедила всех заинтересованных лиц, что церемония должна состояться не в Государственном Кремлевском дворце, больше известном съездами КПСС, а в Большом Кремлевском дворце, еще больше известном торжествами по случаю коронаций царствующих особ. Перенос церемонии из ГКД в БКД, безусловно, соответствовал здравому смыслу и масштабу предстоящего события.

Масштаб удалось сохранить не в последнюю очередь и благодаря тому, что председателю Центризбиркома Александру Вешнякову запретили отдавать удостоверение президента Владимиру Путину прямо в Андреевском зале. Тогда Вешняков исхитрился сделать это вообще на день раньше инаугурации, пока это еще хоть кого-то интересовало.

Была проведена работа и с патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Он несколько последних дней перед инаугурацией не скрывал своего твердого намерения тоже принимать посильное участие в церемонии, мотивируя это свое намерение тем, что в прошлый раз, четыре года назад, он ведь уже участвовал, и ничего страшного не случилось. Патриарху в конце концов прямо сказали, что тогда надо приглашать муфтия и всех остальных. Таким образом, и эта проблема была разрешена.

Накануне инаугурации весь кремлевский полк получил трое суток увольнения. Бойцы, говорят, долго не верили; думали, их заставят маршировать на плацу до последней секунды, а уж в последнюю секунду тем более. Но их отпустили вплоть до утра 7 мая.

Все остальные тренировались без выходных. Последняя репетиция состоялась перед самой церемонией. В ней приняли участие все главные действующие лица, кроме Владимира Путина и Бориса Ельцина. Массовку, полторы тысячи приглашенных, исполнял полк специального назначения, подъехавший из ближайшего Подмосковья.

Собственно говоря, на этот раз его назначение состояло в одном: проверить, сколько же человек вмещают три зала Большого дворца. И даже еще уже: сколько гостей смогут уместиться на полутора метрах по обе стороны ковровой дорожки, по которой пройдет Владимир Путин.

Эксперимент показал, что если не толкаться локтями и не наступать друг другу на пятки, то полторы тысячи человек с комфортом продемонстрируют свое уважение без пяти минут президенту России.

Впрочем, организаторам церемонии именно пятки приглашенных представлялись наиболее уязвимым местом, я бы сказал, ахиллесовой пятой церемонии. «Оттопчут, обязательно оттопчут, и другу другу, и, не дай бог, самому...» – предсказывали скептики. Это дисциплинированные бойцы полка специального назначения стояли, выдохнув раз и навсегда, вдоль этой самой дорожки, доведя тем самым вместимость Георгиевского, Александровского и Андреевского залов до абсолютных значений. А на гражданских надежды не было никакой. Но это был, пожалуй, первый и последний неизбежный риск. В остальном церемонию просчитали с необычайной тщательностью.

Генеральная репетиция прошла хорошо. Единственное замечание в тактичной форме сделали только председателю Конституционного суда Марату Баглаю, длинная речь которого привела в нехорошее замешательство организаторов. Баглаю посоветовали подумать, как сократить выступление в несколько раз, но чтобы оно не утратило первоначального смысла.

Для убедительности ему показали секундомер, который в этой церемонии по важности мог сравниться разве что с Конституцией РФ.

На фоне Баглая хорошо смотрелся отсутствующий председатель Центризбиркома. Речь, которую прочитали за него, была ограничена несколькими рублеными фразами, из которых лишней раз следовала неизбежность прихода к власти нового президента Путина. Вешнякову передали «спасибо» и особо поблагодарили за отсутствие в его речи цифр использованного на выборах электората. Таким образом, генеральная репетиция, можно считать, удалась.

Когда все было кончено, близко к полуночи в малоосвещенных залах Большого Кремлевского дворца, никому заранее не сказавшись, появился сам Владимир Путин. В полной тишине он прошел тот путь по ковровой дорожке, который ему предстоял и следующим утром. Показанный результат удовлетворил Владимира Путина. Все было правильно.

По словам очевидцев, спал в эту ночь Владимир Путин, как обычно, хорошо.

Борис Ельцин утром 7 мая встал на час раньше, чем обычно, около пяти. Его дочь Татьяна Дьяченко рассказала, что он очень волновался и сам был немного удивлен этим. Домашние, которым тоже пришлось проснуться, не знали, чем ему угодить, и понимали, что тут уж ничего нельзя поделывать и что это волнение закончится теперь только вместе с церемонией.

Борис Николаевич уединился в своем кабинете и несколько раз внимательно перечитал сценарий церемонии. Позавтракав, он долго вместе с дочерью выбирал галстук и костюм. Сначала речь шла о черном костюме, но через некоторое время остановились на темно-синем, черный показался слишком грустным. Первый президент России был готов к отъезду на 15 минут раньше срока и всех поторапливал.

Его волнение передалось и остальным. Пытавшихся сказать, что волноваться нечего, Ельцин тут же одергивал: «Как это нечего?» Впрочем, домашние понимали, что событие и правда не рядовое. Провожали его и Наину Иосифовну, как всегда в самые ответственные моменты, всем домом до самых ворот: дочери, внуки Глеб и Ваня...

Церемония инаугурации заняла всего 30 минут.

Самые страшные опасения организаторов оказались напрасными. Приглашенные на инаугурацию вели себя не хуже военных, тем более что среди самих приглашенных гражданских было не так уж и много. От генеральских звезд на погонах веяло как минимум Днем Победы. Некоторым недоразумением на их фоне выглядел новоизбранный депутат Госдумы из Екатеринбурга Николай Овчинников в мундире полковника.

Владимир Путин вошел в Георгиевский зал как положено, ни раньше, ни позже. Люди, хоть чуть-чуть знающие его, понимают, чего ему это стоило.

Он шел по Георгиевской дорожке очень прямо, немного отмахивая левой рукой и не глядя ни на кого из присутствующих. Многие сочли это за чудовищное волнение, однако ничуть не бывало: Владимир Путин действовал строго по сценарию, в котором его взгляду не отводилось никакой роли.

Он, видимо, и сам хорошо понимал, что стоит ему на кого-нибудь посмотреть, как наверняка придется здороваться, хотя бы кивком головы... и так полторы тысячи раз... Нет, он безукоризненно прошел сквозь строй, не задев никого своим взглядом. А как же им хотелось! Полторы тысячи человек – политики, военные, актеры, музыканты, журналисты – прильнули, аплодируя, к бархатным канатам, отделявшим их от него, и не дождались.

В стороне от всех у самой стены сидел только один приглашенный – бывший шеф Комитета государственной безопасности Владимир Крючков. Старенький человечек невысокого роста, он с трудом мог стоять и поднялся, пожалуй, только один раз, когда заиграл Гимн России. Видно было, что и это дается ему с большим трудом, но он достоял до окончания музыки. После этого он привставал еще несколько раз, чтобы посмотреть на большом телемониторе, что же все-таки происходит, но за спинами гостей ему ничего не было видно.

В Андреевском зале началась тем временем самая торжественная часть. Молодцом показал себя Марат Баглай, своим выступлением заслуживший политическую реабилитацию при жизни, так как речь его была на этот раз неумолимо коротка, но столь же прекрасна, как на генеральной репетиции.

Однако преподнес сюрприз Александр Вешняков, который, наоборот, по сравнению с генеральным прогоном решил внести дополнительную ясность в работу Центризбиркома и с такой холодной страстью и так долго перечислял заслуги своего ведомства в победе Владимира Путина, что поневоле закрадывалось сомнение, а не слишком ли они велики.

Первому президенту России Борису Ельцину пришлось начать свое выступление фактически с импровизации, так как два телесуфлера, которыми должны были пользоваться выступавшие, стояли так неудачно, что на них падали блики от яркого света софитов, из-за которых было совершенно невозможно разглядеть текст на экране.

Борис Николаевич, у которого накануне не было задачи заучивать свою речь наизусть, попал, безусловно, в трудное положение, но грамотно, как и подобает профессионалу, вышел из него. После двух минут импровизации он отступил на несколько десятков сантиметров и нашел такое положение, при котором текст на телесуфлере был хоть как-то виден.

Уж не знаю, успел ли он шепнуть об этой проблеме своему преемнику, но тот не растерялся и сделал все четко.

Впрочем, неприятная неожиданность Путина подстерегла на обратном пути – из Андреевского в Георгиевский зал. Неожиданность имела вид телохранителя, которому накануне сказали, что он должен неотлучно находиться рядом с президентом после того, как тот примет присягу.

В начале своей работы я видел разных сотрудников ФСО. На уровне руководства я, как правило, встречал понимание того, чем я занимаюсь. А вот на уровне более или менее рядовых сотрудников – совсем уж рядовых там не было – все иногда бывало непросто.

Вообще они по-другому вели себя по отношению к журналистам, чем сейчас. Сейчас ты смотришь и удивляешься. Безо всякого преувеличения. Почти у всех у них по два высших образования. Представить себе, чтобы, как раньше, кто-то из них назвал тебя (с плохо скрытым неуважением) «уважаемым», уже невозможно. Этого давно уже нет. Хотя и для этого была причина: «уважаемыми», как правило, называют охраняемых особ. Но они в это слово вкладывали, конечно, свой смысл...

Телохранитель решил не задавать начальству лишних вопросов, решив, что и сам в состоянии разобраться в деталях. И как только президент закончил процедуру приема власти и пошел по живому коридору на выход, он, не раздумывая, начал его охранять. Хорошо еще, что никто не стал ему препятствовать в этот момент в исполнении долга, а то и вовсе не известно, чем бы дело закончилось. И можно ли осуждать его за это?

Так они и прошли через все три зала, сопровождаемые аплодисментами оторопевшей элиты нации, от которой телохранитель и на этот раз надежно уберег своего президента.

В остальном все было красиво и даже эффектно.

Возможно, стоит добавить, что ни до, ни после церемонии Путин не выглядел особенно веселым или хотя бы радостным. Кажется, он начал понимать, что произошло.

Сразу после церемонии передачи под командование Путину кремлевского полка Борис Николаевич и Владимир Владимирович с женами тут же, в Кремле, уединились пить чай. Рассказывают, что Ельцин сказал Путину чрезвычайно красивые слова, смысл которых был такой, что он, Борис Николаевич, не ошибся в выборе преемника.

Вечером в банкетном зале Большого Кремлевского дворца Владимир Путин давал прием в честь своей инаугурации. Опять было очень много гостей.

Я не сразу разглядел в толпе первого и последнего президента Советского Союза Михаила Горбачева. Его тоже пригласили, и он тоже пришел и стоял в вестибюле бывшего Кремлевского Дворца съездов, с которым у него столько связано.

В огромном вестибюле было тесно от настоящего и будущего России, а он стоял один и ни с кем не заговаривал, и с ним почему-то тоже никто, я хотел подойти к нему, о чем-то спросить, да раздумал.

А чего говорить? И так все ясно.

Дальше так и пошло. Владимир Путин при этом не забывал напоминать, что стать президентом ему предложил Борис Николаевич Ельцин.

«Это было неожиданно. Я отказался в первом разговоре. Сказал, что это очень тяжелая судьба. Но потом согласился и увлекся, вошел, так сказать, во вкус...»

Так Владимир Путин обозначал причину, по которой он снова (и снова) становился кандидатом в президенты. Просто вошел во вкус.

Вторая (неуловимо, но неумолимо становившаяся традиционной) церемония инаугурации президента Российской Федерации Владимира Путина прошла как-то просто и буднично. Мне не нашлось места у бархатного канатика, отделяющего гостей от президента России. Поэтому я не увидел Владимира Путина. Зато увидел много другого, чего не увидели прильнувшие к телеэкранам россияне.

К инаугурации все было готово за несколько часов до ее начала. Любые подозрения в том, что такого не может быть, беспочвенны, и я готов доказать это.

На виду у всей Красной площади столицы без устали трудился «Первый канал». Между чудовищных размеров кранами от собора Василия Блаженного до Большого Кремлевского дворца были натянуты тросы, по которым несколько дней катались сложнейшие технические устройства на шариках и роликах. Высокопоставленные сотрудники Кремля (а других там просто нет), выглядывая из окон на необычный в этих местах трамвайный, как им казалось, шум, всякий раз, говорят, инстинктивно приседали из естественного опасения, что эти роботы по какой-нибудь производственной необходимости влетят к ним в окно. Но ничего страшного не случилось. Никто никому никуда не влетел. А просто были опробованы новейшие (для отечественного телевидения) технологии показа такого рода мероприятий.

Организаторы долго готовили парад на лошадях на Соборной площади. Достаточного количества лошадей в кремлевском полку не нашлось, и недостающих привезли из конного полка «Мосфильма». Мне рассказывали, что, когда с лошадьми начали работать, обнаружилась одна трагическая подробность: при первых звуках музыки лошади падали ниц. Хорошо хоть не замертво. Выяснилось, что накануне они участвовали в съемках некоего исторического фильма, и тогда специально обученным дрессировщикам стоило чудовищных усилий уложить их на землю под музыку какого-то марша. Потом все стало, слава богу, получаться, и эпизод с падающими лошадьми был отснят на славу. Кто же тогда мог знать, что через короткое время России потребуются лошади, твердо стоящие на ногах? Увы, первое время на Соборной площади лошади под звуки российского гимна продолжали делать то, к чему только-только наконец-то привыкли. В результате до последнего момента уверенность в том, что они устоят на ногах при виде Владимира Путина, отсутствовала. Но смысла лишний раз суетиться уже не было. Накануне инаугурации лошадям задали корма и оставили их в покое.

Не сразу решилась и проблема президентского оркестра. Его тоже пришлось срочно доукомплектовывать. На «Мосфильме», впрочем, свободных единиц, не занятых в церемонии инаугурации, похоже, не осталось. И президентский оркестр пополнили лучшими представи-

телями оркестра Министерства обороны. Когда на Соборной площади я подошел к одному из этих профессионалов и спросил, удалось ли ему сыграть с коллегами, он с непонятной беспечностью ответил:

– А чего там? Репертуар-то один и тот же: «Славься!»

Свое дело сделала и Центральная избирательная комиссия. Удостоверение президента ее сотрудники во главе с Александром Вешняковым вручили Владимиру Путину накануне в более или менее интимной обстановке в Ново-Огареве...

За полчаса до начала церемонии у канатиков, образующих коридор для прохода президента России, не осталось ни одного свободного места. Человек, вставший у этого бархатного канатика, знал, что делал. Во-первых, ему мог, проходя мимо, машинально кивнуть Владимир Путин. Во-вторых, это событие в жизни человека могла зафиксировать телекамера. В-третьих, это могли зафиксировать коллеги. В общем, был смысл держаться за это место.

И они держались. За их спинами на высоте пары метров были укреплены десятка два (в каждом зале) плазменных мониторов. По ним только и можно было наблюдать из Александровского и Георгиевского залов за церемонией инаугурации. За все то время, что она продолжалась, мимо нас по коридору, образованному нами же, пронесли флаг Российской Федерации, герб Российской Федерации и два раза, туда и обратно, прошел президент Российской Федерации. То есть можно с уверенностью сказать, что присутствующие в этих двух залах исполняли роль массовки в этой красочной церемонии. И многие еще дали бы многое, чтобы поучаствовать вчера в этой массовке.

Буквально пара десятков человек из нескольких сотен стояли, повернувшись лицом к мониторам, а не к канатикам. Среди них был кинорежиссер Александр Звягинцев. Я как-то случайно оказался рядом с ним и вдруг понял, как мне повезло. В этот момент начали трансляцию проезда кортежа президента России по Кремлевской набережной к Соборной площади. Количество камер, снимающих это событие, не поддавалось, на мой взгляд, даже приблизительному подсчету.

– Как вы думаете, вы могли бы снять лучше? – шепотом спросил я у него.

– Вряд ли, – с сомнением сказал он. – Понимаете, идея этого изображения подвластно все.

Я не понял, честно говоря, что он имел в виду. Именно поэтому Александр Звягинцев еще больше вырос в этот момент в моих глазах...

– Все американское кино на этом построено, – пожал он плечами.

– Так это мы американское кино смотрим сейчас? – понял я. – Точно! Вот это колесо автомобиля, замирающее прямо у самого объектива... Где-то я это уже видел. В «Крестном отце»?

Он опять пожал плечами.

– Ну а вы, – спросил я снова, – иначе бы все-таки, я чувствую, сняли эту церемонию?

– У каждого свои методы, – вздохнул он. – На самом деле здорово снято. У нас так эти вещи, по-моему, никогда еще не снимали.

Владимир Путин вышел из машины и поднялся по лестнице на второй этаж. Он шел, как мне показалось, точно так же, как и четыре года назад: активно махая одной рукой и прижав другую и почти не глядя на людей, аплодирующих ему. В этом смысле он никому не дал шанса отличиться.

Церемония, как все видели, была довольно короткой. Президент даже не стал надевать тяжелую цепь, символ власти. И правильно: без скипетра она вообще не смотрится.

Я особо не задумываюсь, сохраняю ли я объективность. Более того, да никто, я считаю, не может сохранить объективность. Никакой журналист, сколько бы он ни старался. Даже когда он приводит, как в газете «Коммерсантъ» считается нужным, второе мнение... считается, что надо...

или считалось... Сейчас, как мне кажется, во многом прежние стандарты утрачены. В то же время появились какие-то новые, с которыми тоже нужно считаться. Но я думаю, что, даже выбирая вторую точку зрения, журналист уже все равно для себя примерно понимает, как он оценивает произошедшие события, и вторую точку зрения он, даже может быть подсознательно, выбирает так, чтобы она не противоречила, так сказать, генеральной линии, которая у него в голове уже проложена.

Короче говоря, я не верю в объективную журналистику. Я считаю, что ее не существует, да ее и не должно существовать. Вообще интересна, мне кажется, авторская позиция, авторская точка зрения. Не надо лицемерить – она всегда существует. И не надо ее прятать, да еще от себя самого. Особенно в том типе журналистики, которым занимаюсь я. В репортажной, грубо говоря. В других типах, из которых преимущественно состоит газета «Коммерсантъ», такая полная отчужденность все-таки более возможна, чем в том, которым занимаюсь я. А в том, чем занимаюсь я, это, может быть, даже и противоположано.

Зато президент произнес более или менее длинную речь. Из нее можно было понять, что за четыре года наша страна прошла длинный путь. Но путь, который ей предстоит пройти, еще длиннее, зато в конце нас всех ждет счастье. Только свободные люди в свободной стране могут быть по-настоящему успешными, сказал президент. И ни слова о том, что, как он говорил на старте предвыборной кампании, страна эта должна быть конкурентоспособной. Что, уже не должна? Недолго в таком случае у нас была такая интересная национальная идея. А жаль тогда, по-человечески жаль (нас всех).

Когда Владимир Путин закончил свою речь, снова прошел живым коридором и уже принимал парад (приглашенные части оркестра и лошадей не подвели организаторов), гости, стоявшие в этом оцеплении за канатиками, еще минут десять не сходили со своих мест. Чего они ждали? Что президент еще вернется к ним? Или переживали случившееся?

– По-прежнему настаиваете, что красиво? – снова спросил я Александра Звягинцева, который по телевизору, не отрываясь, смотрел на парад коней.

– Да, все было снято очень красиво, – подтвердил он.

Про то, как было сыграно, он ничего не сказал.

* * *

Третья инаугурация президента России оказалась хороша тем, что была коротка. Ничто и никого не отвлекало от церемонии, даже улицы Москвы были девственно чисты. По всему маршруту проезда их тщательно зачистили от людей, очевидно, опасаясь несанкционированных проявлений человеческих чувств.

Гостей и участников церемонии собрали в Андреевском, Александровском и самом простом и демократичном Георгиевском залах. Министров определили, как обычно, в Андреевский, и они в отличие от остальных видели происходящее собственными глазами, а не на экранах, расставленных по всему периметру Александровского и Георгиевского залов.

И я, к примеру, удивился, что только одного министра сослали в Георгиевский зал, к простому народу – спортсменам, олигархам, чиновникам и журналистам. Это был Рашид Нургалиев, министр внутренних дел. Сигнал, а ведь это был сигнал, позволял делать несмелые предположения...

Все залы быстро заполнились; людей было, судя по всему, больше, чем на прошлых инаугурациях: победу Владимира Путина ковали многие и многие – «Общероссийский народный

фронт», доверенные лица... Одним из последних в Георгиевский зал прошел бывший министр финансов Алексей Кудрин (но был перенаправлен в Андреевский). Интересно, что бизнесмены Михаил Фридман, Алексей Мордашов и Владимир Евтушенков, к примеру, были определены в Георгиевский зал, а вот Алишер Усманов и Михаил Прохоров оказались удостоены Андреевского.

Считается почему-то, что Владимир Путин не доверяет бизнесу и бизнесменам. А мне кажется, что это вообще не так. Мне кажется, что он окружил себя бизнесменами, которым, наоборот, доверяет. Вот Тимченко, например, разве не бизнесмен, не предприниматель? Он бизнесмен, представитель крупного капитала, я бы сказал, даже крупнейшего. И это только одна фамилия. И это человек, которому он доверяет. Он доверяет ему, хотите вы этого или нет.

Другое дело, что Путин, когда пришел на эту работу, первое, что стал делать – видимо, считал это своей важнейшей задачей, – он начал выстраивать отношения с олигархами. И к достоинствам его первого и второго сроков многие относят равноудаление олигархов. И даже то, что так вышло с Ходорковским, многие считают проявлением жесткого равноудаления (на самом деле, думаю, тут были и другие причины), после чего они все стали для него более или менее чужими. Но не все ведь. Тут, мне кажется, надо понимать, что он далеко не всех олигархов равноудалил, а точнее, сначала всех равноудалил, а потом некоторых опять приблизил.

Мне кажется, у меня есть простое рабочее объяснение тому, почему он это делает. Он считает, что с какими-то задачами, которые он поручает, с конкурсами, которые многим кажутся формальными, поскольку победы в них отдаются людям, считающимся его близкими друзьями, – он уверен, что больше никто с такими задачами не справится. Он ведь прошел этот путь уже... и люди не справлялись, и подводили и его, и тысячи других людей. А Аркадий Ротенберг может, например, построить Крымский мост. А больше никто не может построить. И попытки взяться за это дело есть и у других людей, но они и сами в конце концов понимают, что все это сложно слишком. Очень сложно, потому что санкции будут скорее всего сразу же, а у тебя, может быть, компания, которая торгуется, допустим, на Лондонской бирже, и для тебя это имеет решающее значение, и для людей, которые в этой компании работают, – может, даже тем более.

А для человека, который близко и давно его знает, в конце концов, может быть, решающее значение имеет соображение выполнить задачу. И именно потому, что его попросил об этом Владимир Путин. И даже, может быть, не в первую очередь как президент, а это тоже очень важно, потому что, кроме всего прочего, эти люди тоже умеют считать, в том числе и, как ни странно, такие дружеские услуги. Они понимают: да, в конце концов они тоже могут стать «невъездными» в результате того или иного бизнес-поступка. Но штука в том, что мы все равно знаем, что Владимир Владимирович Путин не забудет об этом. Он нас оценит. Он человек благодарный в этом смысле. И все равно мы получим еще такой контракт, что всем остальным небо с овчинку покажется.

Глава одного федерального ведомства с удовольствием вспоминал подробности инаугурации Дмитрия Медведева:

– Вышли мы потом на солнышко с двумя министрами, не скажу с какими, подошли к моей машине на Васильевском спуске, разложили на капоте рыбку, хлебушек, открыли что полагается, и так хорошо нам было...

Новым по сравнению с прошлой инаугурацией было то, что Владимир Путин вышел из Белого дома. Заработали телевизоры, фиксируя каждый его жест. Как только он начал спускаться по ступеням парадного выхода, в Георгиевском зале вдруг злобно залаяла собака. Многие вздрогнули и начали аккуратно оглядываться. Оказалось, что у актера и каскадера Александра Иншакова так работает вызов телефона. И долго он еще не мог унять своего пса.

Величественный проезд от Белого дома до Кремля был снят, как всегда, безукоризненно: Константин Эрнст никак не отличился в том смысле, что, как и раньше, это была работа на высоте.

– Голливуд, – шептали вокруг, – ну Голливуд же!..

– Да, – сказал кто-то за моей спиной, – теперь, после такого проезда, трудно себе представить, что новый президент может выходить не из Белого дома...

Мимо к выходу пронесли девушку. Она совсем немного не дождалась Владимира Путина: потеряла сознание где-то в начале Георгиевского зала. Придя в себя, она потом рассказывала, что мечтала увидеть живого Путина на инаугурации всю жизнь. Ради этого, подумал я, исполнившись сочувствия к ней, церемонию можно было бы и повторить.

Может, кстати, и повторяют.

Ближе всех припал к одному из экранов Рашид Нургалиев. И напрасно: когда Владимир Путин вошел в Георгиевский зал, трансляция вдруг прекратилась. Гости разволновались. Впрочем, я потом выяснил, что проход вступающего в должность президента на экранах приглушили специально, видно, чтоб гости не отвлекались на телевизоры, а повернулись к господину Путину лицом, хотя и так ничего не было видно за спинами тех профессионалов, которые заняли место в первом ряду партера, возле бархатных канатиков, часа за два до церемонии.

Но никак не было предусмотрено то, что трансляция не включилась, когда начал говорить Дмитрий Медведев. Слышны были только какие-то странные звуки, похожие на звук скрепящихся клинков. Можно было предположить, что там, в Андреевском зале, идет какой-то бой.

Потом картинка все-таки появилась (выяснилось, что это была проблема связи только в Большом Кремлевском дворце), Дмитрий Медведев договаривал свои последние мысли по поводу происходящего. Потом Владимир Путин произнес свои. Их оказалось немного, и вот он уже пошел обратно, к выходу, а прохожие из-за канатиков хватили его за руки, словно пытаясь остановить или предупредить о чем-то важном, чего, может, не надо делать... Так, по крайней мере, казалось издали.

Я увидел байкера, лидера «Ночных волков» Хирурга, стоявшего у канатика, с ног до головы в коже и цепях. «Ребята не поймут, если пиджак надену...» – оправдывался он потом на улице (хотя даже медицинский халат на Хирурге выглядел бы в этих стенах, по-моему, уместней).

– Мы просим всех оставаться на местах! – раздалась команда откуда-то сверху.

Так недвусмысленно подобная фраза звучала здесь последний раз в году, наверное, 1937-м.

На улице долго не расходились, как будто ждали чего-то еще (некоторые и дождались: вечернего приема тут же, в Георгиевском зале). Ценные подарки гостям не дарили: памятные медали в этот раз в отличие от предыдущих вручили вместе с приглашениями, чтоб никого в суматохе разъезда не обделить.

– С праздником! – на секунду остановился возле меня главный санитарный врач России Геннадий Онищенко и пояснил, очевидно, уловив в моих глазах недоумение: – С Днем Победы!

Вечером состоялся прием по случаю инаугурации. Здесь снова оказались и спортсмены, и политики, и бизнесмены. Не было только журналистов (и правильно). 20 столов, каждый из которых был накрыт на 30 человек, стояли «свиньей», готовые к отражению любой внешней и тем более внутренней угрозы.

За одним из таких столов выделялась олимпийская чемпионка по прыжкам в высоту Елена Исинбаева. Она казалась такого роста, что могла взять 5,09 и без шеста. И вдруг в какой-то момент неожиданно стала обычного человеческого роста. Туфли с 15-сантиметровыми каблуками стояли под столом взамен шеста.

В ответ на ласковую, даже вкрадчивую просьбу диктора отключить мобильные телефоны и не пользоваться фото- и телеаппаратурой присутствующие начали лихорадочно звонить и фотографироваться, ведь им так кстати напомнили, что у них есть телефоны и фотоаппараты.

Столы были уставлены яствами. Съесть их было невозможно, но можно было хотя бы попытаться сфотографировать, чем гости тоже активно занимались. Здесь по отечественной традиции было все сразу: и бастурма, и рыбная нарезка, и завитушки разрезанных киви, и недоспелая чилийская черешня... Особенно выделялась раскладка из соленых огурцов: по четыре штуки на стол. Вилки тоже было четыре, но не на стол, а на каждую тарелку.

Сияли гербы на тарелках с золотой, а не кобальтовой, как раньше, сеткой.

Огорчало только одно: ни один из телевизоров, которых было развешано больше, чем столов, не работал, как и на самой инаугурации.

После единственного тоста, который произнес вновь избранный президент (за великую Россию, а за что же еще?), началась главная интрига вечера – попытки деликатного прорыва к главному столу, за которым сидели Владимир Путин и Дмитрий Медведев.

У нас был один эпизод, когда мы писали книжку, для меня очень многозначительный. Мы сидели, когда, собственно говоря, книжку «Разговор от первого лица» только закончили, – и ужинали. Он решил с нами поужинать. Такой ужин людей, которые вместе закончили большую, напряженную работу. И это должен был быть, видимо, ужин победителей. Мы понимали, что книжка хорошая будет, что все ее будут читать. И сделали мы ее в рекордный срок. И он понимал, что... против его ожиданий, видимо, даже... что все получилось не так муторно, мучительно, как он предполагал. И ему самому в какой-то момент – а потом еще в какой-то, и еще – было очень даже интересно.

Разговор у нас за столом был оживленный, не пристрастный, как наши разговоры под диктофон, каждый из которых, как я уже рассказывал, начинался с фразы «освободите Бабицкого». И в какой-то момент, мне кажется, Владимир Владимирович Путин, как-то расчувствовавшись и, главное, расслабившись, поднял бокал с вином. Мы тоже взяли за бокалы. И он как-то так неуверенно совершенно говорит, даже с такой вопросительной интонацией слегка, застенчиво: «Ну, – говорит, – за Россию?» Я аж замер из-за этой неуверенности. Он не был уверен, что с этими людьми – с нами – можно и нужно пить за Россию. Что мы способны это оценить искренне.

Ну, мы, конечно, не военачальники, которые еще и троекратным «ура» этот тост встретят, но вот настолько ли мы свои люди, которым можно предложить такой тост? А на самом деле для него это все существенно – то, что происходит с Россией. Он не может просто так взять и бросить это все. Бросить Россию. На человека, на преемника, – ну понятно же, что проголосуют за его преемника, – в котором он не уверен... А в ком можно быть уверенным?.. Ну, мы тогда, конечно, выпили. За Россию грех не выпить. Но, честно говоря, мне даже захотелось как-то приободрить его после этого: да мы нормальные люди,

с нами можно пить за Россию. Может быть, мы необязательно встанем, но мы-то Россию тоже любим. Про себя-то я это точно могу сказать.

У тех, для кого попытка прорыва оказалась удачной, в жизни теперь будет меньше проблем: великому тренеру пообещали ледовый театр, великой музейщице – великий музей или как минимум приход на ее великий юбилей... Видимо, не остался без обещания и великий режиссер, но не тот, а другой, то есть Эмир Кустурица.

Владимир Путин уехал с приема только через два часа, но, конечно, не домой, а в спорт-комплекс «Мегаспорт» на Ходынском поле, где играли сборные легенд советского и российского хоккея и звезд Любительской хоккейной лиги, которую не так давно придумал, собственно говоря, Владимир Путин. За нее он и выступил в четвертом периоде. За героев спорта играл Герой России Сергей Шойгу, а наблюдал с самой верхней ложи, курируя происходящее, бывший премьер-министр Италии Сильвио Берлускони.

– У нас старый новый президент! – произнес сомнительную фразу диктор, представляя господина Путина, уже выкатившегося на лед.

После нее он, кстати, неожиданно вернулся на скамейку запасных.

Уже через пару минут после начала периода президент, конечно, забил гол. Мог ли он не сделать этого? Лично я гнал эту мысль как безумную.

Владимир Путин на самом деле очень старался. Он достаточно уверенно держится на льду и упал, запутавшись в коньках, только один раз. Впрочем, он, олицетворение в этот момент самой России, встал с колен и бросился в атаку, которая была прервана свистком арбитра: основное время матча закончилось вничью.

Но по буллитам, один из которых опять забил Владимир Путин (хотя вратарь не дрогнул и не сдвинулся с места, когда президент шел на него), выиграла сборная любителей. А вот Герой России не забил, а трибуны так болели за него, крича то ли «Шой-гу!», то ли «Шай-бу!».

После матча я тоже вышел на лед, когда Владимир Путин раздавал автографы игрокам прямо на свитерах, и спросил, что его больше вымотало: инаугурация или игра.

– Конечно, инаугурация, – после некоторого раздумья ответил он.

А ведь мог бы уже и привыкнуть.

Про жизнь и про смерть

В аэропорту Мурманска самолет с семьями членов экипажа АПЛ «Курск» встречали несколько военных и гражданских. Они посадили людей в три автобуса и повезли в Видяево. Я, зная об ажиотаже вокруг этого рейса, удивился было, что возле трапа ни одной телекамеры, но стоило выехать за ворота аэропорта, как увидел их десятки. Самих журналистов, наверное, была не одна сотня. Их просто, как и обычно в те дни, никуда не пустили. На КПП у въезда в Видяево у нас два раза проверили документы. Впрочем, подробные списки пассажиров салонов были составлены еще раньше. Военные пытливы и даже, мне показалось, искренне интересовались, нет ли в автобусах журналистов.

Автобусы остановились на площади перед гарнизонным Домом офицеров. Это центр жизни поселка Видяево. Здесь все собираются и ждут. Ждали и нас. К тому времени в Видяево уже приехали около двухсот родственников экипажа. Приехавшие вышли из автобуса. Многие встретились впервые за много лет.

Попросили зарегистрироваться, потом тех, кому негде было остановиться в Видяево у родственников, повезли на плавучий госпиталь «Свирь», на рейд подлодок. Была уже поздняя ночь. Курить разрешали только на корме, на вертолетной площадке. Там после ужина собрались человек пятнадцать. Рядом стояла подлодка «Тамбов» с нарисованным на рубке волчьим оскалом. В темноте лодка казалась красивой и даже нарядной. Ее плавные хищные очертания внушали непонятный, но отчетливый оптимизм. И, видимо, не мне одному, потому что на вертолетной площадке среди родственников экипажа цариле некоторое даже оживление. Капитан «Свири» обсуждал с ними происшедшее на «Курске».

– Что случилось? – переспрашивал он. – Взрыв, наверное. Такой большой силы... никакая торпеда изнутри не смогла бы так разорвать корпус этой лодки. Поверьте бывшему подводнику, она с кем-то столкнулась, а уж потом взрыв.

– И даже, я слышал, там, рядом, нашли части какого-то другого объекта, – добавил подошедший капитан второго ранга.

– Какого объекта? – переспросил его кто-то из родственников с непонятной надеждой.

– Так ведь никто не знает.

– Они все погибли. Там нет ни одного живого! – громко сказала одна женщина. Она очень хотела, чтобы ей возразили.

– А может быть, и есть, – неохотно ответил капитан. – Может, норвеги поднимут. Все-таки водолазы.

– А может, и лодку поднимут? – спросила эта женщина.

– Нет, не поднимут, – уверенно ответил капитан. – Нет таких средств на флоте.

– А Клебанов сказал...

– Это он теоретически сказал. Правда, говорят, что заводы скоро получат заказы.

– Господи! – воскликнул кто-то в темноте. – Что же они нас так мучают! А трупы они будут поднимать, не знаете?

– Как вы смеете! – закричала девушка лет двадцати. – Какие трупы?! Не знаю, конечно, как ваш там, а мой брат жив!

– Зачем мы здесь? – спросил еще кто-то. – Привезли, жрачки дали, распахали по каютам... Зачем?

– Станный вопрос, – обиженно возразил капитан и ушел.

Но за себя прислал помощника, который скомандовал:

– Сейчас я поставлю перед вами задачу – выспаться.

– Какой же тут может быть сон? – удивленно переспросили его. – Мы уже несколько суток не спим.

– Так, – мне показалось, помощник даже обрадовался. – Если кому для сна нужны специальные препараты, пожалуйста!

– Боюсь, не помогут.

– У нас не помогут? У нас помогут!

Ушел и помощник. Его, правда, тут же сменил еще один капитан второго ранга. Каждый работал с родственниками по десять минут. По ним можно было сверять часы.

– А может, и жив кто-то в этих отсеках, с первого по четвертый? Почему их не обследуют?

– Нет-нет, – поспешно добавил кавторанг. – Сегодня уже и министр выступал, и командующий флотом Попов.

– Что? Что они сказали? – закричали ему.

– Не помню, – смутился он. – Я сам не слышал, не уполномочен, не знаю... Но что-то такое говорили.

– Да знаю я, – устало сказала девушка. – Попов опять наврал, что живых там нет.

Утро началось с того, что по «Маяку», единственному на судне источнику информации, передали песню «Как прекрасен этот мир, посмотри!». Я посмотрел. Было хмуро, холодно и тоскливо. Я подумал, каково сейчас просыпаться тем из них, кто все-таки заснул. Несколько человек опять курили на вертолетной площадке.

– У Сереги, моего шурина, два друга там были. Золотой, так Димку Колесникова из Нижнего зовут, и Рашид откуда-то. Всем по двадцать с небольшим было, женились чуть не перед учениями, а жен видели не больше двух недель.

– Повезло им, не все успели жениться, теперь вдовам пособие дадут.

На «Свири» все родственники делились на две, мне показалось, равные части: тех, кто считал, что экипаж «Курска» давно погиб, и уверенных, что их ребенок, муж, брат жив и ждет, когда его вытащат.

Утром на «Свири» распорядился контр-адмирал Кузнецов, командир дивизии подводных лодок. Он говорил, что для всех желающих будет организована экскурсия на «Воронеж», напоминал, что пожилым людям не рекомендуется подниматься по крутым трапам лодки, и приказывал выделить группу медобеспечения для этой экскурсии.

Я спросил, что, по его мнению, случилось с лодкой. Адмирал сказал, что не спит пятые сутки, и добавил, что лодка, конечно, с кем-то столкнулась:

– Это 110 процентов. Но с кем? Не знаю. А зачем американцы заказывали док в Норвегии для своей лодки? А англичане приехали к нам не их ли железки со дна собрать? Но меня не это беспокоит, – добавил контр-адмирал. – Люди, которые приехали, что с ними делать?

– А что? – удивился я.

– Они что, теперь жить тут будут? Не вижу смысла. Свозим их в море, наберут водички – и домой. Но поедут ли?

Контр-адмирала в это утро мучили сомнения:

– А ведь подъезжают. Ну как им объяснить, что живых на лодке нет и что достать мы их не можем? У меня самого там друзья... – Он подумал и добавил: – Были. Извини, главком приезжает, мне надо ехать встречать.

Возле Дома офицеров утром этого дня, как всегда, было много людей. Уточнялись списки погибших, составлялись списки на материальную помощь, на возврат денег за проезд в Видяево. Родственники подписывались под письмом президенту России. В нем был пункт о немедленном подъеме лодки, об оставлении ее в списках дивизии, о дислокации в Видяево, о переименовании дивизии отчего-то в «Русь», о передаче магазина «Мебель» под церковь и об отстранении от должности маршала Сергеева, главкома Куроедова, командующего Северным флотом Попова и начальника штаба ВМФ Моцака. Решались или не решались тысячи мелких вопросов. Но большинство людей пришли к Дому офицеров просто потому, что больше некуда.

На трех этажах распоряжался заместитель комдива по воспитательной работе Иван Иванович Нидзиев. В кабинете орготдела шло производственное совещание.

– Отставить на время всю работу с семьями, понятно? – командовал он.

– Но мы же не можем...

– Можете. Работать только по направлениям, которые укажу.

И он указывал.

– Где бирка «Центр психологической разгрузки»? Ее нет! А вы знаете, что приезжает главком? И скотчем, скотчем приклеить ее по краям, я уже устал это повторять. А вы метите дорожки, метите, не останавливайтесь! Вымели? Еще раз метите!

Его растерянно слушались.

Тем временем подъехал главком Куроедов. С ним были губернатор Мурманской области Евдокимов и вице-премьер Клебанов. Тут же, на улице, их остановили люди.

– Мы всех достанем, – повторял Клебанов, пытаясь пробиться через толпу. – Нет, оттуда никто не ушел, водолазы работают, мы всех достанем.

Они наконец прорвались через толпу и быстро поднялись на третий этаж. Только кто-то уцепился за рукав губернатора:

– Товарищ губернатор, там такая ситуация... У шестерых подводников... Ну, в общем, они были не расписаны, а некоторые даже с бывшими женами не развелись, и как теперь вдовам-то быть, у них ведь есть дети...

Губернатор машинально кивал. Было видно, что он очень не хочет опаздывать на совещание. Возможно, просто не привык.

Возле кабинета за закрытыми дверями стояла депутат Госдумы Вера Лекарева. Она пришла полчаса назад и уже попыталась взять ситуацию под контроль. Это был настоящий депутат Государственной думы в полном смысле этого слова. Она привела нескольких родственников экипажа в актовый зал, рассказала, что она в своей жизни много работала с разными семьями и делала это блестяще, как и все остальное.

– Неужели мы и с вашей бедой не справимся? – задавала она риторический вопрос. – Вот, говорят, приехали большие начальники, я к ним сама пойду и все решу. Ну, я пошла!

Но к начальникам ее не пустили, и она стояла злая, с двумя помощниками, и спрашивала у пожилого капитан-лейтенанта:

– Почему? Я же депутат. Вот вы пускаете священника, я вижу! Вот, пустили. Чем же я хуже?

– Чем депутат хуже священника? Сами подумайте.

Лекарева вернулась и заявила родственникам, которых к тому времени собралось уже человек восемьдесят:

– Не волнуйтесь! Найдем средства на оздоровление детей.

– Да их спасти надо! – закричали ей.

– Это я и хотела в целом сказать, – все-таки немного смутилась Лекарева.

– Их же специально топят!

– Ничего, напишем депутатский запрос, я взяла бланки.

Микрофон у нее забрал полковник Сидоров, главный редактор журнала «Ориентир». Так он представился. Сидоров сказал, что вчера вернулся с крейсера «Петр Великий».

– Вы так хотели слышать слова очевидца, – сказал он. – Так вот, слушайте. Место катастрофы там – чистое море. Кто хочет туда, не советую ехать. Мне сказали, что у вас есть желание пойти туда на «Свири», но ведь это тихоходный корабль, 12 километров в час... А метровые волны... Не стоит! – Он уверенно посмотрел в зал. – Вот вы говорите про командующего Северным флотом Попова, что и он в чем-то виноват... Так вот. Вчера на «Петр Великий» приезжал представитель английских ВМФ, они долго разговаривали, что делать, потом представитель улетел. Был разговор с норвегами: сказали, что ничего не могут сделать.

В зале заплакали.

– Но это еще не все! После этого разговора Попов всех отогнал, встал на корме, сорвал галстук, достал сигарету и долго плакал! Я Попова знаю давно, а теперь убедился, что он достойнейший человек!

– Нам его слезы не помогут, – сказала пожилая женщина.

– И еще я скажу. Там очень трудно работать. Наш матрос упал за борт с катера, но его вытащили. Один спуск норвежского водолаза стоит десять тысяч долларов, об этом тоже надо помнить.

– Да что он нас укачивает! – возмутился кто-то.

– Офицеры на «Петре» без сил! Они работали 12 суток и спят там, где их оставляют эти силы. Два наших офицера чудом остались живы в спускаемом аппарате. Ой, девочки, как это сложно! Я четыре дня назад был в Чечне...

– Не надо сравнивать! У нас уже не держава, а похоронное бюро!

– Я переживаю, сочувствую, мое выступление спонтанно. Но надо знать Попова...

Полковник Сидоров наконец снова отдал микрофон Лекаревой. Ей стали жаловаться, что в городке Видяево живут полуголодные люди, а в домах нет горячей воды, унитазов...

– И с соседями я переругалась! – в отчаянии добавила одна женщина.

– Ничего, помирим! – обрадовалась решаемому вопросу Лекарева. – Я считаю, давно надо поднимать проблему федерального закона о защите прав военнослужащих.

Тут в зал вошли Попов, Куроедов и Евдокимов. Их принялись внимательно слушать.

Попов сразу приступил к делу.

– Вчера, – сказал он, – мы вскрыли девятый отсек. Видимости там нет. Лопнула масляная цистерна. Видеокамера ничего не видит. Думаем, как опустить туда человека.

– А человек увидит? – с сомнением спросили его.

– Надеемся, что муть осядет, – твердо сказал Куроедов.

– А почему воду не откачиваете из отсека?

– Очень хороший вопрос, – еще больше оживился он. – Мы, как выяснилось, шесть дней качали, как говорится, из моря в море. Потом нашли трещину, из которой утекала вода.

– Как же вы смогли довести аварийно-спасательную службу до такого состояния? Это же идет с 83-го года! – поднялся с места отец одного из ребят. Он повторял это уже не первый день в разных местах, и его не очень, честно говоря, слушали. Всех смущал этот 83-й год: слишком уж давно.

– Вот вы говорите 83-й. А я признал состояние флота закритическим три года назад, когда принял его, – заявил Куроедов. – Но вернемся к лодке. Проект, над которым работают ученые, будет доложен мне уже в начале ноября.

– Как в начале ноября? – опять застонали в зале. – Начнутся шторма... Что же вы делаете? И как можно было объявлять в стране траур, когда наши мальчики живы?

– Давайте перейдем к другому вопросу. От вас, я слышал, было предложение выйти в точку катастрофы. Если вы подтверждаете, я дам корабль. Вот проведем завтра митинг памяти экипажа... – и вперед!

Зал просто взвыл.

– Да что вы их все хороните! – кричали одни. – Заживо!

– Достаньте сначала хотя бы один труп! – другие.

– Достать? Хороший вопрос, – опять одобрил Куроедов.

– Ломайте лодку пополам и тащите ребят!

– Не смейте! – плакала девушка за моей спиной. – Водяные пузыри... Живы они, живы...

– Кто принял решение, что люди мертвы?

– Вы командирующему Северным флотом не верите? – неожиданно резко спросил Куроедов.

– Конечно, нет! Ответьте!

– Тогда я вам технически объясню. Когда открыли люк и ничего не увидели, опустили камеру, она тоже ничего не увидела. Вот осядет масло...

– Да масло не может осесть! Оно легче воды!

– Действительно. Значит, поднимется.

Было полное впечатление, что он просто издевается над людьми, которые сидели в этом зале. Но ведь этот человек, я уверен, оскорбился бы, если бы ему это сказали. Он пытался им объяснить, насколько все сложно в деле, в котором они ни черта не понимают, зато берутся о нем судить, и только забывал иногда, что масло легче воды.

– Вы верите, что ребята живы? – спросили его.

И знаете, что он сказал?

– Хороший вопрос! Я отвечу на него так же прямо, как вы спросили. Я до сих пор верю, что мой папа, который умер в 91-м году, жив.

Тогда ему задали еще вопрос. Тоже, наверно, хороший:

– Почему вы сразу не обратились за иностранной помощью?

– Я вижу, – ответил он, – что вы больше смотрите четвертый канал, чем второй.

– Когда вы сообщили наверх, что спассредств не хватает?

– Три года назад, – невозмутимо доложил он.

Я думал, кто-нибудь из отцов даст ему по физиономии. Но они, наоборот, как-то сникли и потеряли интерес к этому разговору. Им стало просто не до него.

И ему, впрочем, не до них. Он сунул микрофон вице-премьеру Клебанову. Тому задали единственный вопрос, который всех только и интересовал:

– Когда вы их вытащите оттуда?

– Может быть, через несколько месяцев. Может быть, через год. Не знаю точно.

Он сказал это почти беззаботно. Зал взревел. У людей, оказалось, еще остались силы. Невысокая женщина в мохеровой кофте и длинной, до пят, юбке подбежала к нему, схватила за грудки и стала трясти:

– Ты, сволочь, иди туда и спасай их!

Сразу несколько полковников бросились к ней оттащить. Это оказалось нелегко. Она вцепилась в Клебанова и кричала:

– Вы такие подонки... подонки...

Клебанов долго поправлял галстук. Лицо его стало каменным. Было такое впечатление, что он обиделся. Он перестал отвечать на вопросы и только вдруг выпалил:

– Получите вы своих сыновей!

Ему мгновенно простили тон.

– Когда? – хором спросил зал.

– Спасательная операция будет продолжаться.

После этого он исчез. Через пять минут ушел и Куроедов.

Я ожидал какой угодно реакции от родственников экипажа, но из них снова как будто выпустили пар. Только одна активистка (за эти дни их возникло немало) сказала, что собирает подписи за то, чтобы разрезать лодку, потому что живых там явно нет. Он говорила, что тоже мать и что для нее это было трудное решение, но ведь она его приняла. «Хоть похороним по-человечески», – говорила она, и голос ее звучал ультимативно. И, наверное, она была права, но, конечно, она не должна была это говорить. Какое-то предательство в этом было, что ли. Многие ведь думают так же, как она, но никто не решился собирать подписи за то, чтобы разрезать лодку, у тех, кого она добивала этим своим предложением. И, конечно, ей, как и Клебанову, и полковнику Сидорову, и Попову с Куроедовым, сразу несколько человек сказали,

что мальчики живы и что водолазы еще найдут их и вытащат. Сказали не так, как тем, не с отчаянием и ненавистью – с укором.

В переговорном пункте на втором этаже Дома офицеров я застал семейную пару из Брянска. Они звонили домой, чтобы сказать, что возвращаются. После этой встречи они решили ехать домой. Они были первыми.

– Может, останетесь? – спросил я. – Завтра будет корабль, отвезут вас на это место, если, конечно, не обманут.

– А могут? – спросили они.

– Могут, – ответил я, вспомнив свой разговор с контр-адмиралом Кузнецовым.

– Нет, – спокойно сказали они, – мы уж лучше поедем.

Они ушли, а я обратил внимание, что рядом два полковника держат в руках какую-то бумагу и тихо, надо отдать им должное, совещаются, кому вручить для ознакомления проект указа президента «Об увековечении памяти экипажа АПЛ «Курск».

А еще через час два матроса на задах Дома офицеров закончили сколачивать из свежих досок невысокую трибуну для приезда Владимира Путина. Президент, сказали они, наверняка будет выступать в актовом зале, но надо подготовиться к любому повороту событий. Это было разумно.

Люди начали ждать президента часов с пяти вечера. Приехал он почти в девять, но никто даже не подумал возмущаться, потому что все это было не главное и потому что он все-таки приехал. И теперь они готовились сказать ему все.

– Ну и самоубийца! – легко удивилась пожилая женщина на крыльце Дома офицеров. – Приехал все-таки. Да мы же сейчас его на куски порвем!

Путин был в черной рубашке и черном костюме, попросил охрану не отталкивать людей, прошел в зал. Около полутысячи человек заполнили все места и единственный проход. Наступила, безусловно, кульминация драмы этих дней в гарнизонном городке Видяево. Адмиралы негромко распорядились убрать из зала прессу, которой и так тут не было. Я не увидел даже съемочной группы РТР, которая прибыла за час до приезда президента. Все было сделано для того, чтобы никто из посторонних не мешал диалогу президента с его народом.

– У нас планировалась встреча в штабе флота в Североморске, – начал Путин.

– Непонятный разговор! – сразу перебили его.

– Я буду говорить громче, – ответил президент. – Слова соболезнования, извинения...

– Немедленно отмените траур! – опять возмущенно перебили его из другого конца зала. Начало, как и ожидалось, не предвещало ничего хорошего.

– Траур? – переспросил Путин. – Я так же, как и вы, надеялся и надеюсь до последнего хотя бы на чудо. Но есть точно установленный факт: люди погибли.

– Замолчите! – крикнули ему.

– Я говорю о людях, которые погибли точно. Такие в лодке, безусловно, есть. По ним этот траур. Вот и все.

Ему хотели что-то возразить, но он не дал:

– Послушайте меня, послушайте, что я скажу. Да послушайте! Трагедии в море были всегда, в том числе и тогда, когда нам казалось, что мы живем в очень успешной стране. Трагедии были всегда. Но того, что все у нас находится именно в таком состоянии, я не ожидал.

Он сказал, что страна и армия теперь должны жить по средствам, иметь меньшую армию и меньше подводных лодок.

– Да бросьте вы, – сказали ему. – Вы хоть знаете, что экипаж «Курска» на этот рейс формировался из двух экипажей? У нас вообще нет флота.

– Надо сформировать его не из двух, а, может быть, из десяти и на этом закончить. Чтобы не было таких трагедий.

– А вы считаете, что экипаж виноват в этой трагедии? – неприязненно спросила его женщина из первого ряда.

Нет, сказал президент, он так, конечно, не считает. А кто виноват? Опытные политики предлагают ему немедленно расправиться с военным руководством, отдать под суд. Но, может быть, подумал он, надо сначала разобраться?

Путин говорил спокойно, иногда даже тихо, извиняющимся тоном, потом вдруг начинал атаковать зал. Впрочем, перемена тактики мало помогала ему.

– Почему в седьмом и восьмом отсеках прекращены работы?

– Каждые три-четыре часа я задаю этот вопрос. Я спрашиваю военных: «Вы можете доказать, что там все кончено?» Доказать! Мне отвечают: «Все наши и иностранные специалисты говорят, что это так». Я разговаривал со своим старшим товарищем, академиком Спасским, ему за 70, он был главным конструктором подводных лодок, я знаю его много лет. «Игорь Дмитриевич, – спрашиваю я его, – все, конец?» – «Чтобы подтвердить это, – говорит он, – мы должны разрезать лодку». – «А если там есть какие-нибудь воздушные пузыри?» – спрашиваю я...

Его опять перебивают, хотя я вижу, как кто-то в зале вздыхает с облегчением.

– Почему вы медлили с иностранной помощью? – вспыхивает румянцем молодая девушка. На лодке был ее брат. Путин долго подробно объясняет. Он говорит, что лодку начали конструировать в конце 70-х годов вместе со средствами спасения и что Северный флот ими располагал. Он вспоминает, что Сергеев позвонил ему 13-го в семь утра, а до этого времени Путин ничего не знал. Сергеев рассказал, что развернули спасательные работы, а Путин его сразу спросил, нужно ли что-нибудь еще от него лично, от страны, от других стран.

– Ответ, – сказал Путин, – был понятный. Они полагали, что у них есть все средства спасения.

Иностранные спасатели, по его словам, официально предложили свою помощь 15 августа. Ее сразу приняли. Только на шестой день они залезли в девятый отсек.

– А если бы мы попросили 13-го? Залезли бы в лодку 19-го. Вряд ли бы что-то изменилось.

– Да что же, у нас нет таких водолазов? – крикнул кто-то в отчаянии.

– Да нет в стране ни шиша! – рассердился президент страны.

Он добавил, что и у правительства Норвегии нет. Контракт на спасение экипажа «Курска» был заключен с коммерческой фирмой, которая специализируется на работах на морских буровых вышках. Теперь водолазы считают, что спасти некого, а значит, нужен новый контракт – на поднятие тел погибших моряков. Между тем у этой фирмы нет даже лицензии на такие работы. Путин дал задание МИДу договориться с норвежским правительством, чтобы фирма как можно скорее получила такой контракт, и вроде бы согласие получено. Кроме того, фирма поставила еще два условия: сменить водолазов и оборудование. Пока все это не произойдет, работы не продолжатся.

Этот ответ производил впечатление внятного. Люди внимательно и напряженно слушали его. Никто уже не перебивал Путина. Наконец-то за столько суток они услышали то, что было понятно, что не вызывало возражений.

– Сколько же мне ждать сына? – спросила тут одна женщина без злости. Действительно хотела узнать сколько.

– Я понимаю, – ответил Путин. – И уехать невозможно, и сидеть тут нет сил.

– Да и денег нет, – добавила она в сердцах.

Путин буквально схватился за ее слова:

– Я расскажу про деньги.

– Не надо про деньги! – попросили сразу несколько человек из зала.

– Я понимаю. Да если бы я мог, я бы сам туда залез!

Следующий час Путин рассказывал про деньги. Он пожаловался, что у нас много запутанных законов, которые загоняют в угол любую проблему, и пообещал в этом случае обойти их все.

– Одна женщина, жена механика с «Курска», подошла ко мне и сказала, что десять лет зарабатывала сыну на учебу. И вот муж погиб. И спросила, а нельзя ли получить зарплату мужа за десять лет вперед, чтобы выучить сына. Я подумал, что это будет справедливо. Каждому из погибших будет выплачено среднее жалование офицера за десять лет вперед.

Зал просто присмирел. Люди стали шевелить губами, пытаюсь прикинуть, сколько же это будет. Потом долго спорили, сколько это – среднее жалование. Путин сначала сказал, что три тысячи в месяц, а потом заглянул в свои бумажки и извинился: шесть. Зал принялся было спорить и убеждать президента, что его обманули и офицеры столько не получают, но, когда Путин объяснил им, что если принять его цифру, то семьи получают гораздо больше, возражать не стал.

Тон выступлений с мест категорически изменился. Встала женщина из Дагестана, объяснила, что ее сын был гражданским специалистом, а деньги пообещали только членам экипажа, и вспомнила Путину, как он признавался в любви к дагестанцам после чеченского вторжения.

– Конечно, – сказал Путин, – приравняем вашего сына к членам экипажа.

В актовом зале гарнизонного Дома офицеров маме Мамеда удалось сесть в первый ряд прямо напротив президента. Он время от времени, отвечая на другие вопросы, смотрел ей прямо в глаза, но она никак не могла спросить его о самом главном: жив ли ее сын. Потом Путин сказал: все специалисты считают, что живых нет, а он сам надеется только на чудо; и она поняла, что вопросов у нее больше нет.

Но Путин добавил, что решил заплатить каждому члену экипажа средний оклад офицера за десять лет службы. Получалось около 24 тысяч долларов, это она быстро подсчитала. И тогда у нее возник новый вопрос. И уж его-то она задала.

– Мой сын – дагестанец, – сказала она президенту. – А вы признавались, что раньше просто уважали дагестанцев, а после чеченского вторжения полюбили их.

Президент кивнул. Она же знала, что нельзя просто так попросить о чем-нибудь любого человека, тем более президента. Сначала надо его похвалить, и тогда он не откажет. И теперь она могла приступить к главному.

– Дело в том, что он – гражданский специалист, а вы сказали, что дадите деньги только членам экипажа...

Она даже не договорила. Путин перебил ее и сказал, что это не проблема и ее сына завтра же приравняют к членам экипажа.

– Это правда? – переспросила она.

– Конечно, – очень серьезно ответил Путин.

Она поняла, что новый президент – человек дела. И когда мы возвращались с Гаджиевыми ночью на «Свирь», она искренне прославляла Путина и говорила, что раньше ошибалась в нем.

В следующий раз я встретился с этой семейной парой на борту самолета рейса Мурманск – Москва. Пассажирами этого рейса были в основном отечественные и иностранные журналисты, которые провели всю неделю в Мурманске и возвращались в Москву несолоно хлебавши, злые, как черти, на всех, кто держал их на голодном пайке, не пустил дальше Мурманска и не дал даже поговорить с родственниками членов экипажа подлодки. Их просто трясло от злости, и казалось, что самолет летит в зоне турбулентности. Если

бы они узнали, кто сидит в самом конце салона и тихонько переговаривается на аварском, они бы не поверили в свое журналистское счастье и разобрали бы мать и отца Мамеда на маленькие кусочки.

Я тихонько спросил Гаджиевых, почему они решили вернуться. Они ответили, что делать в Видяеве нечего: заявление на матпомощь Путину они написали, а надежду на то, что их сын жив, он у них отнял при той встрече.

Мать Мамеда добавила, что раз Путин пообещал на следующий же день приравнять ее сына к членам экипажа, то, наверное, уже сделал это. Они не знали тогда, что директор ФСБ Патрушев вместо этого взял дело их сына вместе с другим уроженцем Дагестана, погибшим на подлодке, в разработку – только потому, что на чеченском сайте «Кавказ» появилась информация, что это он взорвал подлодку «Курск».

Другая женщина попросила квартиру в Питере для себя и родителей. Ей дал, а им отказал и долго объяснял, что не может расселить на основании этой трагедии весь почему-то Североморск. Но сказал, что квартира в центральной части страны гарантирована каждой семье отдельно от тех денег. На вопрос, что такое центральная часть, он ответил, что это, по его мнению, Москва и Питер. Какой-то женщине стало плохо, и на этот раз я не был твердо уверен, из-за чего. Ее на руках над головами вынесли из прохода.

На следующий острый вопрос, уже не про деньги, Путин отвечал абсолютно уверенно:

– На вопросы за мои сто дней я готов ответить, а за те 15 лет я готов сесть с вами на скамейку и задавать их другим.

Наконец встала та самая женщины в мохеровой кофте, которая несколько часов назад с ненавистью бросилась на Клебанова. Я замер. Ее слова многое значили.

– Мы с Украины, – сказала она, – а те деньги, которые вы обещали, обложат такими налогами, что страшно.

– Дадим здесь наличными, – сдержанно улыбнулся Путин. – Через один из негосударственных фондов.

– А сейчас?

– Я с собой-то не привез.

И зал рассмеялся.

Потом было еще много вопросов, в том числе конструктивных. Предложили организовать в Видяеве ЗАТО.

– Ну зачем же? – спросил Путин. – Одни жулики у вас соберутся, ну в лучшем случае подмандят внешний вид пары зданий. Женщины меня простят за такое выражение?

Женщины простили. Президент уже полностью овладел залом. Этот зал принял даже его ответ на самый тяжелый вопрос: почему он так поздно приехал?

– Первое желание такое и было, – признался Путин. – Но потом подумал: один слух, что я приеду, что бы тут произвел? А сколько людей я бы привез? Да мы бы вам не дали работать. А как было бы просто. Я бы легко прикрыл себе одно место. Команды бы раздал, кто-то не выполнил – получите!

И наконец:

– Нам сегодня сказали страшную правду, что мальчиков достанут не раньше чем через год.

– Нет! Нет! Нет! Нет! В течение нескольких недель, я вам обещаю.

Встреча продолжалась два часа сорок минут. Он ушел с нее президентом этого народа, который только что готов был разорвать его. На следующий день все родственники уже писали заявления с просьбой о материальной ссуде в размере среднего оклада офицера за десять лет. Митинг памяти, вызвавший столько ярости, когда о нем сказал Куроедов, Путин по просьбе

родственников отменил. По кораблю «Свирь» ходят вежливые офицеры и предлагают родственникам помочь купить билеты домой. Те соглашаются. Все теперь тихо в городке Видяево.

Пустынно.

Как будто кого-то не хватает.

Я и сейчас отвечаю за каждую строчку этого репортажа. О чем-то я тогда не мог написать даже, потому что тогда у меня рука не поднялась и язык не повернулся. Но я очень хорошо помню женщину, которая сидела рядом со мной, уже хорошо мне знакомую к тому времени: когда Путин сказал, что их уже нет в живых – а это было то, чего они на самом-то деле ждали все эти дни, и все боялись им это сказать в глаза... до этого они галстуками душили некоторых очень заметных чиновников из Москвы...

И эта женщина рядом со мной тут же заснула. Они же не спали несколько суток. И в каком-то смысле это, страшно сказать, было для них облегчением – такая определенность. Тогда я об этом даже писать не стал. Но, может быть, это то, о чем я лучше всего помню. Как, конечно, навсегда запомню эту командировку в Видяево, где я – в самый первый раз, – не будучи тогда корреспондентом кремлевского пула, на один вечер стал им.

* * *

Через два с половиной месяца после инаугурации Владимир Путин отправился в свою первую поездку по стране в качестве президента – первую в том смысле, что его в этом качестве впервые сопровождал я. И в этой поездке в Татарстан господин Путин ярко проявил почти все те качества, которые впоследствии я буду подмечать в нем не раз. И не два. Татарскому же народу президент подарил несколько сюрпризов и одну легенду.

Владимир Путин прибыл в Казань и тут же поехал в татарский кремль, чтобы принять участие в совещании по проблемам ликвидации последствий урагана, обрушившегося на республику.

Вообще-то ураган был не такой уж и сильный. И в Татарстане не очень понимали, зачем оно нужно, совещание, ведь татары могли бы и сами справиться, тем более что от урагана пострадали и другие регионы страны.

Но говорят, что на этом совещании очень настаивал министр МЧС Сергей Шойгу. Наверное, он хотел показать себя Путину в деле. И добился своего.

В совещании участвовали кроме Путина и Шаймиева президент Башкортостана Муртаза Рахимов, полномочный представитель президента РФ по Приволжскому федеральному округу Сергей Кириенко. Это президиум. В зале сидело в основном правительство Татарстана.

Президент Татарстана, как всегда, хорошо подумал, прежде чем сказать.

– Конечно, ураган нас задел, – наконец заметил он. – Но ведь зато и дожди в результате прошли, что редко бывает в 20-х числах июня!

Генерал-майор Власов из МЧС доложил обстановку и попросил показать документальный фильм про ураган. Ключевой в фильме была фраза: «Спасатели смогли пробиться туда, куда не мог пробиться никто». Внимательный зритель при этом мог заметить, что для этого им пришлось спилить дерево.

В следующем кадре это дерево несла на плече домой жительница республики. Если бы президент Татарстана раньше посмотрел этот фильм, у него была бы возможность сказать, что, хотя ураган повалил много деревьев и линий электропередачи, многие обеспечили себя дровами на всю зиму.

Генерал Власов добавил, что первый день урагана стал последним днем 50-летней женщины, а общий ущерб составил 244,7 млн рублей. Впрочем, сказал он, уже роздано 2000 листов шифера и 2050 кг гвоздей.

– А вот вы сказали – 244,7 млн рублей. Как вы считали этот ущерб? – спросил его Путин.

– Предварительно, товарищ президент! – нашелся генерал.

– Это ваша оценка или по данным из районов? – терпеливо спросил Путин.

– Из районов... – отчего-то сник генерал.

– И?

– 18,2 млн рублей потрачено по временной схеме... – пробормотал генерал совсем упавшим голосом.

Видимо, в это мгновение он уже поставил крест на своей карьере.

Не то чтобы Владимир Путин не любит, когда ему возражают подчиненные. Это они сами почему-то не любят ему возражать. Боятся – потому что имеют дело с президентом. Думают, может быть, о том, что вот, была история с Ходорковским, была история вот с этим, с этим и еще вот с этим. И приговор вот по делу Улюкаева вынесен: тоже не все понятно, чего вдруг... А если непонятно, то, конечно, страшновато.

Людам есть чего опасаться, есть что терять, когда с тобой разговаривает президент. Да и от греха... вообще лучше не спорить. Это вообще в характере русского человека – идея чинопочитания. Она заложена в нас, исконно русских, русских без преувеличения. У кого-то вся жизнь уходит на борьбу с этим великим качеством. И случается, что кто-то побеждает себя.

Вслед за генералом докладывал министр сельского хозяйства республики.

– Трудности для товаропроизводителей начались еще зимой. С выпадением снега в сельском хозяйстве начались непредвиденные события.

Сейчас, по его словам, ситуация до предела обострилась.

– Наблюдается массовое появление саранчовых вредителей. Потребуется обработка 125 тыс. га. Конечно, были выделены некоторые материальные средства, но их явно недостаточно.

Он с напором посмотрел на Путина.

– Но ведь саранча не относится к стихийным бедствиям? – осторожно спросил президент.

– На сегодня нет, – без удовольствия согласился министр.

После такого же выступления министра энергетики докладывать начал лидер «Единого».

– Республика Татарстан идет впереди федерального законодательства о чрезвычайных ситуациях, – по-моему, с одобрением начал он.

– Идет впереди? – перебил его Шаймиев. – Ну что ж, вот приведем в соответствие – и вернемся назад!

Шойгу хотел что-то сказать, но ему не дал Путин.

– Сергей Вадимович... ой, Владиленович! – обратился он к Кириенко. – Вот видите, какая ситуация! Некоторое надо приводить в соответствие с федеральным законодательством, а некоторое – наоборот! Творчески надо подходить к этому!

– Конечно! Комиссии создавать... – горячо поддержал его Шаймиев.

– Разрешите, я закончу? – вступил Шойгу.

В его голосе, мне показалось, прозвучала угроза.

– Кириенко мне в самолете так и сказал, – продолжил все же Путин, – оформит и будет выходить с предложениями.

Все молчали.

- Я вам искренне говорю! – разволновался Путин.
- Да я уже заканчиваю... – опять встрял Шойгу.
- Быстро отреагировали – минимум потеряли! – настаивал президент.
- Вот, собственно, и все, что я хотел сказать, – закончил наконец Шойгу.

Потом наступила ночь, и все пошли спать. Следующий день обещал необыкновенное. В Казани наступал Сабантуй, праздник всех татар. Ельцин на Сабантуе, как известно, разбил горшок.

Путин должен был встречать Сабантуй в Советском районе. Там есть березовая роща, так вот в ней все и происходило.

Чтобы попасть на майдан, на главный праздник, надо было метров семьсот пройти через всю эту рощу по неширокой асфальтированной дорожке.

Это был извилистый путь. Из кустов то и дело выглядывали картонные мишени медведей и зайцев в натуральную величину. Между березами висели татарские поговорки на русском языке: «Пока ленивый подпоясался, усердный уже кончил!» Тут же, у дорожки расположился партизанский отряд со скромной табличкой «Хозяйство Бородина». Самого Пал Палыча видно не было.

На майдане – большой поляне, готовой к веселью, – уже разминались батыры. Им предстояло бороться на кушаках, лупить друга друга мешками с травой, ползать по гладкому столбу, врытому в землю, и купаться в кислом молоке.

Вокруг майдана поставили скамейки человек на 150. Я присел на одну в ожидании президента. Было солнечно и почти жарко. Рядом переговаривалась немолодая пара. По виду женщина была русской, а мужчина заслуженным татаринном с медалями и орденами.

– Касимовские татары сильно отличаются, чтоб ты знала, от вологодских татар, – объяснял он ей. – И особенно от ярославских.

- В лучшую сторону? – доверчиво переспрашивала она. – А от рязанских?
- От рязанских меньше, но тоже отличаются в лучшую сторону.
- Вы, наверное, касимовский татарин? – не выдержал я.
- Да, – с достоинством сказал он. – А вы русский?

Я не стал спорить.

– Балет у нас все равно лучше, чем у вас, – внезапно заявил он. – Билеты за месяц не купишь.

– Сцена только не очень, – бросилась сглаживать неловкость его жена. – Неровная, некоторые жалуются. У вас, наверное, ровнее?

– А в концертном зале у нас был? – опять повернулся ко мне ее муж. – Шикарный!

– Зато, – говорю, – наш Ельцин ваш горшок разбил, когда на Сабантуй приезжал.

Тут уж они не стали спорить.

– Да, разбил. Мало кто разбивает. Как разбил? Никто не знает. Может, подсказали ему. Может, платок просвечивал. А может, и сам разбил. Ведь он очень медленно палку на горшок опускал.

– Но ведь так еще труднее, – заметил я.

– Он ведь сильный у нас был. Теннисом занимался, – резонно ответили мне.

– А вообще, – зачем-то добавил татарин, – в татарском народе национализма нет.

– Как нет? – удивился я.

– Нет, так-то, конечно, есть, – легко согласился он, – но в основном в Набережных Челнах.

Тут по громкоговорителю кто-то тревожно сказал: «Готовность ноль!» Сотни людей замолчали. Через минуту на майдан вступил Путин.

Был он в бежевой маечке и брюках чуть светлее.

– А вам мы просто радоваться будем, Владимир Владимирович Путин! – бодро сказал по громкоговорителю тот же голос, что и объявил готовность ноль. – Наш народ ликует!

Тут бы и начаться празднику, но выступил Альберт Ковалеев, глава администрации Советского района. Он заявил, что в научно-исследовательских институтах республики неуклонно сокращается путь от изобретения до внедрения новейших разработок.

– Поэтому, – немного волнуясь, добавил он, – результаты скоро будут ошутены, и все наше общество встанет на путь исправления для блага родного Татарстана.

Короткое слово взял президент Шаймиев. Я его не узнал. Вчера на совещании по урагану этот человек виртуозно излагал свои непростые мысли хорошим русским языком, а тут, перед своим народом, он вдруг словно нарочно забыл его.

– Ваш приезд в наш народ, – сказал он, как будто еще и пародируя предыдущего оратора, – она отзовется добрые пожелания вашей деятельности, направленная на улучшение условий населения.

Вот так он сказал, и тут было о чем задуматься.

Потом несколько слов сказал Путин.

– Никогда, – говорит, – не подозревал, что это настолько широкий праздник.

Может, с Масленицей перепутал.

– Уважаемые женщины и мужчины, желающие принять участие в армрестлинге! – объявили по громкоговорителю...

Как и следовало ожидать, под навесом в стороне от майдана Путин оставался недолго. На столе для армрестлинга он легко и безжалостно победил начинающую спортсменку Юлю Деганову. Чемпионка мира и Европы по армрестлингу Марина Павлова, которая стояла рядом, пожала плечами.

Говорят, что, когда Тони Блэр был в гостях у Владимира Путина в Москве, тот предложил английскому премьер-министру сыграть партию-другую. Тони Блэр согласился, но предупредил, что играть не умеет. Владимир Путин легкомысленно объяснил ему правила этой игры – и проиграл первую же партию.

Потом Путин долго, сидя у самого ковра вместе с Шаймиевым, наблюдал за борьбой на кушаках и, мне показалось, тоже рвался в бой, но удержался, видимо, потому, что ответственные люди в администрации очень просили его на всякий случай не делать этого, и уж не проигрыша ли они опасались?

Не выдержал он у глубокой миски с катыком – татарским кислым молоком. Национальная забава состоит в том, чтобы найти в этой миске монету. Нашел – молодец. Кто-то спросит: а зачем это? Не скажите. Ведь любая национальная забава и отличается прежде всего своей полной бессмысленностью.

Вот и президент нашей страны стащил футболку, бесстрашно обнажив торс, на него надели белый халат, очень напоминающий смирительную рубашку, и он нырнул с головой в катык.

Его не было долго. Так долго, что я испугался. Вынырнул он с монеткой в зубах. Да, теперь будет так: Ельцин разбил горшок, а Путин нашел денежку в катыке. И этой истории теперь суждена долгая самостоятельная жизнь, ибо через несколько минут я уже слышал от одного татарина, что монетку эту ему выдали гораздо раньше, и все это время он держал ее за щекой... а с ним спорили, что Путин не такой и что, если надо, мог и пять минут в катыке провести, потому что таких легких нет ни у одного президента в мире...

Потом Путин долго смотрел скачки и вручал «Оку» победителю на рысаке «Гордый Джо», долго обедал, затем брал на руки перепуганного насмерть татарского мальчика и все спрашивал, не жарко ли тому, а мальчик, у которого в глазах стояли слезы, не знал, что надо

отвечать этому великому человеку, а потом Путин долго шел в толпе к соревнованиям по борьбе, и был момент, когда эта толпа от свалившегося на нее счастья чуть не задавила его, и это был самый страшный кошмар личной охраны президента, но все в конце концов обошлось...

А меня мучил один вопрос. И я его в конце концов задал:

– Владимир Владимирович, вот эта монетка...

– Что? – спросил он.

– Ведь вы бы не вынырнули из катыка, пока не достали ее, так?

– Нет, ни за что не вынырнул бы. – Он еще немного подумал. – Ни за что.

– А если бы так и не нашли?

Он беспечно засмеялся.

А зря. Мог ведь и утонуть.

* * *

В декабре 2004 года великая актриса Алиса Фрейндлих отметила юбилей. Перед приездом президента России актриса очень волновалась. Она пила успокоительные капли. Дочь Варя, специально приехавшая к маме для встречи с президентом России, каплей пить не стала и поэтому нервно спрашивала у фотокорреспондентов, все ли, по их мнению, так на столе. Фотокорреспонденты, вдруг почувствовавшие себя людьми, принимающими решения, распорядились убрать со стола чайник.

– Будет мешать, – твердо сказал один.

Варя испуганно убрала чайник. Она даже не уточнила, чему мог помешать чайник. Мог ли он помешать, например, пить чай?

Наверное, с испугу она разлила чай в чашки минут за пятнадцать до появления президента России. Другие люди, и в самом деле принимающие решения, распорядились убрать и чашки. Но тогда на столе остались стоять только рюмки. Вот наконец не стало и их. Все, таким образом, было готово к приезду президента России.

В комнате было много икон. Висела стенгазета с шапкой на первой полосе «Открытое письмо бабушке». В этом при большом желании можно было усмотреть политику.

Войдя в комнату, президент подарил актрисе цветы и начал было сам разливать чай, когда Алиса Фрейндлих, справившись наконец с охватившим ее волнением, робко произнесла:

– А у нас еще шампанское есть. – Президент внимательно и очень серьезно посмотрел на нее. – Ну да, у вас протокольное движение, – пролепетала актриса.

Что-то она под «движением» имела в виду. Не очень понятно что. Но господин Путин то, что хотел, понял:

– Да, я понимаю, хороший повод, чтобы не налить. Я вообще-то не откажусь.

Алиса Фрейндлих убежала искать шампанское. При виде актрисы с бутылкой в руке президент России встал как при первых звуках гимна.

– Кто откроет? – спросила она.

– Я сам, – заявил президент.

– Я знала, что вы хороший мужик, – вздохнула актриса. – Но чтобы до такой степени!

Похоже, не очень везло ей в жизни с хорошими мужиками.

Открывая бутылку, господин Путин страшно морщился на радость фотографам. Между тем пробка вышла легко, а от горлышка пошел только легкий дымок.

– Гениально, – прошептала актриса.

– Это гораздо проще...

– Чем руководить страной? – уточнила актриса.

Она на глазах справлялась с волнением.

– Нет. Чем то, что делаете вы, – потупился господин Путин.

То есть он признает, что руководить страной все-таки труднее, чем открывать шампанское. Возможно, это кого-то заинтересует.

Когда шампанское было налито в бокалы, госпожа Фрейндлих попыталась сдуть возникшую пену.

– Требуйте долива после отстоя, – озабоченно сказал президент.

– Я тоже хочу шампанского. Напишите мне разрешение, что мне можно выпить с вами 50 граммов, а то я за рулем, – сказала Варя.

– Разрешения я вам писать не буду, а шампанского налью, – сказал господин Путин, продемонстрировав Варе логический тупик.

Варя вышла из комнаты.

– Что-то она нервничает, – пожал плечами президент.

– Не каждый день к нам президент приезжает, – ответила актриса. – У нас же все больше шпана какая-то бывает: интеллигенция заходит...

– Ну значит, теперь полный набор всего есть, – привлекательно улыбнулся президент.

Актриса использовала наконец домашнюю заготовку (в конце концов она же была у себя дома): пригласила господина Путина на свой моноспектакль «Оскар и Розовая Дама», в котором она играет сиделку, в чьем воображении возникает больной десятилетний мальчик Оскар, и собственно Розовую Даму, которая время от времени навещает его. У президента в голове сразу возникла театральная реминисценция, которой он поспешил поделиться. Он рассказал, что в свое время ходил на спектакль Константина Райкина, где тот тоже играл две роли сразу.

– Я думал, это невозможно будет смотреть, а оказалось очень интересно, – с удивлением вспоминал президент.

Актриса предложила ему пирожных, и президент с сомнением посмотрел на фотокорреспондентов.

– Согласен, я с большой радостью, только вот коллеги уйдут. – Он показал на журналистов. – А они же покажут, как я...

И президент показал, как он обычно надкусывает пирожное. Смотреть на это и правда не было никаких сил.

– Давайте выпьем за вас, – сказала на прощанье Алиса Фрейндлих, – чтобы у вас хватило сил разобраться с этим тяжелым спектаклем, который вы режиссируете. Но ничего, вы выдержите, вы же спортивный человек.

Господин Путин ничего не ответил. Видно, убежденности в этом у него нет.

* * *

В конце лета 2005 года я летел из Барнаула в Москву «основным бортом» российского президента и разговаривал с Владимиром Путиным о том, о чем президента до тех пор не решались спрашивать не только журналисты, но и его ближайшее окружение.

Я был на похоронах алтайского губернатора Михаила Евдокимова. В Барнаул полетели несколько журналистов из кремлевского пула. Так вышло, что в середине дня мы разделились. Я попал в больницу, где в тяжелом состоянии лежала вдова губернатора. Президент заходил к ней, и они о чем-то довольно долго говорили. Я стоял в коридоре, где алтайский хирург рассказывал, что она получила травмы, несовместимые, они думали, с жизнью. Но она пришла в сознание. Врач говорил, что до сих пор никто ей не смог сказать, что ее мужа нет в живых. Это предстояло, видимо, сделать Владимиру Путину.

Остальные журналисты до больницы не доехали и улетели в Москву «передовым бортом». Билета на рейсовый самолет у меня не было. Пресс-секретарь президента предложил помощь. Так я оказался на «основном борту».

Моим соседом был личный врач президента. Он рассказывал, что за пять лет не пропустил еще ни одной командировки президента и что ни в одной из них его помощь по серьезному поводу, к счастью, подопечному не потребовалась.

– Покушайте, – сказал он мне, – вы же, наверное, проголодались.

Профессионал определил это по каким-то, видимо, безоговорочным для него признакам. Я думаю, что скорее всего по моему взгляду на поднос с едой, который уже лежал передо мной на откидном столике. Но притронуться к еде я не успел. Меня позвали в соседний салон.

Там я увидел побогаче накрытый стол и президента страны. Он пригласил садиться. Всего нас было пятеро: он, я, его помощник, пресс-секретарь и шеф протокола.

Президент предложил выпить. Я отказался:

– Я не пью.

– Придется, – сказал он. – Не чокаясь.

Автокатастрофа, в которую попал Михаил Евдокимов, произвела на Владимира Путина, судя по всему, огромное впечатление. Их отношения не были только рабочими, президента и губернатора. Однажды господин Путин летал в Чечню и, когда возвращался на вертолете, предложил подвезти Михаила Евдокимова, который еще тогда не был губернатором и приехал в Чечню как артист. По дороге вертолет обстреляли. Так что Михаил Евдокимов был для Владимира Путина не чужим человеком.

– Странная история с этой аварией, – сказал Владимир Путин. – Почему все-таки у него не было сопровождения? Оно бы не позволило его машине идти с такой скоростью.

– Так сняли же сопровождение, – сказал я. – За несколько дней до аварии.

– Да я знаю, – ответил президент. – Меня интересует зачем.

Он так и сказал: не почему, а зачем.

– Ну, про это тоже все говорят в Барнауле, – сказал я. – Известно же, что у него с депутатами конфликт неразрешимый. Начальник УВД, говорят, поддерживал их.

– А вы знаете, что он последние три месяца вообще на Алтае не был? – спросил Владимир Путин. – Он просто не хотел, не мог он туда заставить себя поехать. Ему было морально тяжело.

– Весь Барнаул говорит, что его убили, – сказал я.

– Вы серьезно? – переспросил господин Путин. – Разве не понятно, что это такое роковое стечение обстоятельств?

– Когда барнаульского мэра незадолго до этого убили, тоже, говорят, было роковое стечение. Но что такое роковое стечение? Вы же сами говорите: если бы было сопровождение, ничего не произошло бы.

Владимир Путин взял трубку телефона, стоявшего на столе (желтая «вертушка» с гербом), и попросил соединить его с генпрокурором. Когда соединили, он вышел из комнаты, где мы сидели. Его не было пять минут.

Когда он вернулся, мы продолжали говорить уже на другие темы. Один из собеседников знал, что у меня вышла книжка «Первый украинский» про «оранжевую революцию», и спросил, с кем, как мне кажется, на Украине сейчас можно иметь дело. Я искренне ответил, что, как мне кажется, ни с кем.

Господин Путин слушал, мне казалось, бесконечно рассеянно. Тогда я уже сам спросил его о том, что меня, собственно говоря, и интересовало:

– А вы с преемником-то определились?

– В принципе да, – кивнул он. – Да ведь тут особых проблем нет. Но надо, конечно, еще посмотреть. Два, кажется, кандидата есть? Я точно не помню.

Он посмотрел на своего помощника. Тот кивнул.

– Правда, оба мне пока не кажутся стопроцентным вариантом.

Я слушал очень внимательно. Так внимательно, как я слушал сейчас, я не слушал, кажется, никогда.

– Да разберемся, – добавил президент. – Край непростой, конечно. Но это не главная сейчас проблема.

– погодите! – не удержался я и перебил его: – Вы что, про Алтайский край сейчас говорили?

– Да, – удивился он. – А вы что подумали?

Я внимательно посмотрел на него. Я бы не сказал, что в уголках его глаз спряталась хитринка. И все-таки у меня было ощущение, что со мной сейчас поступают довольно безжалостно.

– Да нет, я про вашего преемника, – сказал я.

– А-а, – ответил он. – Про моего. Ну понятно.

– И что?

– А что?

– Определелись?

– А почему вас это так интересует?

– Потому что это всех интересует. И вас, по-моему, это интересует не меньше, чем всех остальных. Потому что от этого кое-что зависит.

– Ну, – произнес он, – допустим, я определился.

– Тогда давайте вы нам скажете, – от всей души попросил я.

Я подумал, что можно еще добавить, что я никому больше не скажу. Я подумал, что могу сейчас пообещать что угодно.

– А вы считаете, что надо уходить? – поинтересовался он.

– Конечно, – искренне ответил я.

– Что, так не нравлюсь? – спросил он.

Я должен был что-то ответить. И я бы, наверное, ответил. Но он решил снять это неожиданное напряжение. В конце концов, мы просто сидели и ужинали.

Мне кажется, главное – держаться подальше от своего героя. Сохранять дистанцию. Потому что это залог твоей независимости, объективности, с точки зрения твоей авторской журналистики. Это важно. Это не просто объективность – это авторская объективность. Это невозможность навязать тебе точку зрения и невозможность носиться исключительно со своей точкой зрения. Это все не очень просто. Для этого отношения должны быть рабочими между тобой и президентом, и должна существовать дистанция.

Или должен быть, рискну сказать, такой президент, который будет это все терпеть. Я понимаю, что Владимир Владимирович Путин, конечно, далеко не все читает, да я вообще не знаю толком, читает ли он мои заметки. Но мне кажется, что иногда – судя по его недовольному виду при взгляде на меня на каком-нибудь мероприятии, – а неизбежно глазами сталкиваешься и видишь, что, похоже, сегодня с утра прочел, а оно все оказалось, мягко говоря, не туда ему (как ты и предполагал, конечно). Но вроде терпит.

– Что, – спросил он, – вы считаете, не надо менять Конституцию?

Это была подсказка.

– Конечно, не надо. Вы сами знаете, что не надо.

– А почему, кстати? – искренне (уверен, что искренне) спросил он.

Он первый раз смотрел на меня, по-моему, с настоящим интересом.

– Потому что, если вы сейчас что-нибудь поменяете, через год от нее вообще ничего не останется.

«Оно вам надо?» – хотел добавить я, но удержался, потому что хитринка, которой я сначала предпочел не заметить, теперь достигла просто неприличных размеров.

– А, ну ладно, тогда не будем, – легко согласился этот человек.

– Так кто преемник? – еще раз спросил я.

– Скажите, если бы это был человек, который был бы во всех отношениях порядочный, честный, компетентный, вот вы бы, лично вы стали бы помогать, чтобы он стал президентом? – спросил он.

Я поразился мгновенной перемене ролей:

– А почему я должен помогать? Я работаю журналистом. Я никому не должен помогать.

– Нет, ну вы гражданин тоже. Вот почему бы вам не помочь стать президентом честному человеку?

Это уже было просто издевательство.

– Вы ему лучше меня поможете.

– Нет, ответьте! – завелся он. – Почему на меня не смотрите?

Я поймал себя на том, что и правда смотрю куда-то левее и выше его.

– Что, портрет Сталина там хотите найти? – съязвил он.

– Портрет Путина, – ответил я.

– Засчитывается, – кивнул он. – Но и его там нету. Ну так что, будете помогать?

– Не буду, – буркнул я.

– Ну а если человек-то хороший? – неожиданно сказал он. – И честный. И порядочный.

И компетентный. Такому помогли бы?

Мне вдруг показалось, что он на самом деле говорит о конкретном человеке.

– Такому помог бы. Но такого нет, – произнес я.

– О! – кивнул он. – Все-таки помогли бы. Ну вот, а вы не хотели отвечать.

Он был, по-моему, очень доволен этой победой.

– Да не собираюсь я никому помогать. Вы можете сказать, что это за человек? – сказал я.

– Вам понравится, – сказал он после некоторого молчания.

И вот с тех пор я смотрю на некоторых людей в Кремле и думаю: он мне нравится или нет? А вот он? Или он?.. Нет, он не понравится никак. Ну, значит, он, слава богу, не будет преемником. А вот он... Ну да... Или просто его бросили на самое течение и смотрят: выплывет или не выплывет?.. Так, ломаю голову я. Он думает, что человек, с которым он определился, мне понравится. Но я ведь понимаю, кто мне может понравиться... Думая об этом, не так уж и сложно сойти с ума. Не этого ли, кстати, добивался господин Путин, произнося все это?

Впрочем, он больше не собирался говорить на эту тему.

Позвонил телефон. На этот раз президент не стал выходить из комнаты. Его соединили, судя по всему, снова с генпрокурором.

– Понимаю... Да, слышу... – говорил господин Путин. – То есть вы проанализировали ситуацию и считаете, что это должно быть мое решение? Все, спасибо.

На следующий день начальник Алтайского УВД, по распоряжению которого Михаила Евдокимова лишили охраны, был уволен.

Разговор продолжался. Я говорил о том, что меня интересовало. Ну про свободу слова, про что же еще? Я сказал, что на телеканалах ее нет и что нормального человека это не может устраивать.

– А что именно вас не устраивает? – спросил он.

– Меня не устраивает, что через некоторое время после того, как арестовали Ходорковского, у меня пропало ощущение, что я живу в свободной стране. У меня пока не появилось ощущения страха...

Я хотел добавить: «Но, видимо, вот-вот появится», но он перебил меня:

– То есть ощущение абсолютной свободы пропало, а ощущения страха не появилось?

– Да, пропало ощущение, которое было при вашем предшественнике, – сказал я.

– Но ощущения страха не появилось? – еще раз уточнил он, казалось, размышляя над тем, что я говорю.

– Пока нет, – ответил я.

– А вы не думали, что я, может быть, такого эффекта и стремился достичь: чтобы одно состояние пропало, а другое не появилось?

– Не думал, – ответил я. – Не ожидал.

Он пожал плечами и снова сделался безразличным.

– Ну так что, освободите телеканалы? – спросил я.

– Да никто их не захватывал. Телевидение сейчас такое же, какое общество.

– А вам оно нравится?

– Мне – нет, – неожиданно ответил он.

– Ну так надо менять! – обрадовался я. – Вот в этом многие бы вам помогали.

– Ну, вместе и будем менять. Вы думаете, так просто – поменять? Поменяем. Но не будет возврата к тому телевидению, которое было тогда, в то время, о котором вы говорите. Это время прошло. Его нет больше. Оно не вернется. Забудьте.

Он, казалось, убеждал в этом не только меня.

Меня раньше все спрашивали (сейчас как-то поутихло все это): почему он вас терпит? А я отвечал, как правило, так, как легче всего ответить: на меня, видимо, просто давно все махнули рукой. На самом деле это разве так? Никто на тебя рукой не махнул. Но тут, возможно, в борьбе – часто с самим собой, и, может быть, прежде всего с самим собой, – ты это право завоевал. Может быть, какое-то уважение к себе ты завоевал. А одно из соображений, по которым «терпит», если уж в этих выражениях об этом рассуждать, оно состоит, пожалуй, вот в чем: я же вижу, что они все, включая Владимира Владимировича Путина, не считают меня своим врагом. Есть такой термин – у них же – я не знаю, как у него, но от них я часто слышу: «это вражеское издание», «вражеский журналист». Они даже как-то любя это произносят.

А врагов много. В какой-то момент кажется, что вокруг только враги. Но не только враги, значит. Потому что есть люди, которые, может быть, высказываются так же жестко, но врагами при этом не являются. Это тонкая грань, но она при этом существует. Один человек... так сказать, высокопоставленный источник в администрации президента, будем так называть его... однажды дал мне, мягко говоря, одно подробнейшее интервью. И когда одна заметная журналистка улучила момент и на моих же Пионерских чтениях спросила его: «А почему не мне? Почему ему? Мы же тоже знакомы!» – он именно в этих выражениях ей и ответил: «А потому что Колесников – не враг».

4 августа 2017 года. Не такой уж он приветливый, зовущий и манящий, этот Байкал. С озера дует сильный ветер, гонит волны, водолазы в мрачных костюмах прочесывают дно в поисках запрещенки... И опять – этот ветер... И вода – холодная.

На крохотном дощатом причале стоит ящик, из которого Владимиру Путину предстоит выпустить 50 000 мальков омуля путем нажатия рычага на торце ящика. Рядом – ванна для демонстрации самих этих мальков, и в ней их – всего тысяча, и им ежесекундно меняют воду ведрами...

50 000 мальков – это, конечно, ничто для Байкала. Владимир Петерфельд, директор байкальского филиала Госрыбцентра, говорит: для того чтобы восстановить популяцию омуля, какой она была в советское время, надо выпускать 20–25 млн мальков за год, а не 1,5 млн, как сейчас. Но где ж их взять?

– Браконьерят, – вздыхает Владимир Петерфельд, – народ не такой дисциплинированный, как в советские времена...

Советские времена многим здесь не дают покоя, потому что тогда озеро было другим, то есть священным. Его никто не трогал, оно было предметом культа во всех мыслимых значениях этого слова.

– А сейчас омуль – в депрессивном состоянии... – расстроен и сам, похоже, в некоторой депрессии Владимир Петерфельд (сказывается, похоже, стокгольмский синдром, ведь кто же он, если не заложник вот этих вот мальков?..).

– Конечно, такая агитация туризма идет, все едут, мусорят, ловят... – Владимир Петерфельд угрюмо перечисляет свои беды.

И мне, конечно, жаль и его, и омуля, который так близко к сердцу принимает все происходящее. Да и всем тут его жаль. И хариуса. И сига тоже.

Вертолет Владимира Путина сел на площадку перед зданием выставки-музея прямо на берегу Байкала и, как ни странно, не задел лопастями ни музей, ни провода – а ведь казалось, обязательно должен задеть...

Владимир Путин прошел на причал и очень заинтересовался ванной, где демонстрационно, а скорее демонстративно плавали мальки омуля.

Метрах в четырех от президента я с потрясением увидел телеоператора. Дело в том, что он стоял по грудь в воде, и выше него была только его камера. Оттуда, из глубины, в которой он находился уже больше получаса, телеоператор и снимал теперь президента.

Владимир Путин между тем внимательно разглядывал мальков. Кто-то из сопровождающих сачком зачерпнул штук сто и показал президенту. Владимир Путин забрал сачок, и понес мальков в воду. Тут, в воде, у самой пристани, он увидел еще одного рабочего, который что-то мастерил около длинного желоба.

– Здорово! – окликнул его президент.

– Здорово... – угрюмо ответил рабочий, не обращая никакого внимания на президента и почему-то не добавив: «Коль не шутишь...»

Президент окунул сачок в воду и вытряхнул мальков в Байкал.

– Да это!.. – воскликнул еще один сопровождающий. – Нельзя!

Он имел в виду, что эти мальки были тут для демонстрации жизни в неволе и не были созданы для свободы.

– Чего нельзя? – удивился Владимир Путин.

Ему тут запрещали. Он не понимал.

И он зачерпнул еще один сачок и выпустил и этих тоже. И еще один.

– Осторожно, главное – ботинки не замочите! – заклинали его.

– Ничего, с ботинками разберемся... – бормотал Владимир Путин, черпая из ванны очередную порцию мальков.

Он намерен был переловить и отпустить их всех до единого, в этом можно было не сомневаться.

– Вот отсюда выпускаем! – взмолились сопровождающие.

– Че надо делать? – заинтересовался президент.

Ему показали ручку, которую следовало дернуть, чтобы мальки пошли по желобу в озеро.

Приняв решение, он не отступает. Странно, что не все еще как будто это понимают. А это надо учитывать в отношениях с Владимиром Путиным. Но пока он не принял решения, дискутировать с ним можно, на мой взгляд, и пытаться объяснять ему что-то.

Эпизод про монетку в чане с кислым молоком про это. Уже тогда, когда я толком еще не разбирался во всем, для меня это было уже очевидно, и об

этом я писал. Правда, к этому времени уже была написана книжка «Разговор от первого лица», и многое было, я считал, мне про него уже известно.

Владимир Путин нажал, открылся затвор, но мальки не спешили наружу, и их стали смывать в Байкал с помощью воды из ведра.

– Ну-ка дай ведро, – сказал президент рабочему, который метал воду в желоб без остановки. И теперь это делал Владимир Путин. Казалось, он наконец нашел себе достойное занятие, но тут ведро у него аккуратно забрали: не его это все-таки, решили, забота.

– Не дают ничего сделать... – пожал плечами президент.

Я не удержался и обратил его внимание на оператора, который, по-моему, увидев, что на него глядит президент, готов был уйти под воду с головой.

– Такого, по-моему, еще не было! – сказал я.

Ведь и в самом деле не было, чтобы человек, стоя на дне озера, снимал Владимира Путина из его глубин.

– Да... Вот это да... А почему бы вам оттуда не попробовать писать?.. – мечтательно предложил Владимир Путин. – Я себе представляю ручка, блокнот, и в таких белых перчатках...

И он руками изобразил процесс письма.

Я сказал, что такого-то не только не было никогда, но никогда, надеюсь, и не будет. Владимир Путин пожал плечами. Он не был в этом уверен.

Василий Сутула, директор Байкальского государственного заповедника, провел небольшую экскурсию по выставке-музею. Но сначала он все объяснил президенту про выпущенных мальков, чтоб тот не тревожился:

– До пяти лет будут расти... Станут половозрелыми... Пойдут в реку...

– А найдут реку? – с сомнением спросил Владимир Путин.

– В него же код заложен! – успокоил его Василий Сутула.

– Ну что, – негромко спросил меня помощник президента Андрей Белоусов, – не стал омуль выходить сразу?.. Странно... Все-таки президент... Не каждый день...

Василий Сутула показывал Владимиру Путину между тем изображение «ленты времени» на стене музея. Лента начала тянуться задолго до времен Чингисхана и долго тянулась после него, а Байкал, давал понять Василий Сутула, был всегда и всегда будет.

Главное, что изображено все это было предельно доходчиво.

– Здесь у нас идет позитивная информация, – объяснял директор заповедника. – У нас есть и негативная, но здесь – только позитивная! Успешная борьба с пожарами, с браконьерами...

Отовсюду на стендах на меня свисали красиво написанные вечные вопросы «Кто виноват?», «Что делать?», нечего было и пытаться ответить на них. Следовало лишь подчиниться их величию, так же как и величию самого Байкала, который ни в чем ни перед кем не был виноват и которому ничего не надо было делать, кроме того чтобы быть.

И доконал меня, конечно, последний вопрос, вывешенный уже у самого выхода: «Кто ты на самом деле?» Я не понимал, откуда эта жестокость.

Владимир Путин поглядел на вопрос, качнул головой и зашагал прочь, на совещание, где таких вопросов ему не задают (а только просят, как через полтора часа попросит его ветеран войны и труда Иван Голощапов из сгоревшей деревни Черемушки снова стать президентом, и он по многолетней привычке ответит: «Я подумаю»).

Там он сам задает такие вопросы.

* * *

В ноябре 2007 года, в День памяти жертв политических репрессий президент России Владимир Путин приехал в Бутово, где похоронены больше 20 тысяч расстрелянных в 1937–1938 годах. Там президент России впервые выглядел растерянным у всех на глазах.

Рядом с храмом Воскресения Христова и новомучеников и исповедников российских, рядом с огромным крестом, к подножию которого Владимир Путин возложил вчера цветы, есть длинный зеленый забор с колючей проволокой. Кажется, что там, за забором, то ли тюрьма, то ли казарма. Возле небольших ворот табличка «Бутовский полигон». Забор бы я, проезжая мимо, заметил, ворота и табличку уже вряд ли.

За забором какой-то странный для таких мест простор. Оказывается, что деревья растут только по периметру забора, а внутри несколько гектаров засеянной травой земли. Земля почти ровная, иногда только по ней волнами идут едва заметные холмы в несколько десятков метров длиной. Диакон Дмитрий, который служит в новой церкви, говорит, что эти холмы появились здесь совсем недавно.

– Мы сделали эти холмы. Надо было дать понять, – говорит он, – что здесь были расстреляны и похоронены все эти люди. Вот здесь. И здесь. И здесь.

– И здесь? – спрашиваю я и показываю себе под ноги.

– Да, – говорит он, – тут везде.

Ты идешь по дорожке, посыпанной песком, и понимаешь, что то, что ты сейчас чувствуешь, и называется: земля горит под ногами. Не прикасаться к ней, не топтать ее – вот все, что сейчас от тебя требуется. Потому что ты же никогда не ходил по могилам. Листья шуршат под ногами, как куски пенопласта в руках. Мороз по коже.

– Здесь похоронены больше 20 тысяч человек, – говорит диакон Дмитрий. – Это только те, про кого мы точно знаем. Больше трехсот причислены к лику святых, это те из примерно тысячи, кто проходил по церковным делам: не только священнослужители, но и церковные старосты, и просто активные миряне. Здесь лежит первый русский летчик Данилевский, труппа одного прибалтийского театра в полном составе... Здесь люди шестидесяти национальностей, греки, японцы, немцы... эфиоп есть...

Он как-то нервно улыбается, словно извиняясь: может, кому-то это неинтересно, конечно, но вот есть у нас и такое... Диакон не знает, что может быть интересно журналистам и фотографам. Он рассказывает, что раньше эта земля принадлежала ФСБ... «или КГБ, я не знаю»... и что тут стояла казарма, а потом и ее не стало, и просто бурьяном все поросло.

– А потом ее отдали нам.

– Как отдали?

– Это произошло чудесным образом, – пожимает он плечами. – Вот так – отдали, и все. Так бывает. Мы сами были удивлены.

Он показывает, как отдали, толкая руками от себя сырой воздух; толкает, словно избавляясь от какого-то ненужного и даже опасного груза.

– Пока мы не поставили здесь крест, – говорит он, – люди вокруг держались подальше от этого места, говорили, что здесь невозможно было простоять даже минуту, становилось плохо до невыносимости просто, ужас живых людей сковывал. А после того как поставили крест, стало все-таки не так жутко тут находиться.

Мы слышим, как в нескольких метрах от нас громко смеются фотографы чему-то. Девушка рядом со мной дергается от этого смеха, как от винтовочного выстрела.

– Видите, – без осуждения говорит диакон, – люди здесь уже находят в себе силы смеяться. Это хорошо.

Мы идем с ним от креста, к которому сходятся несколько линий холмов, к небольшой деревянной церкви на территории полигона.

– Говорят, расстрельная команда на всю Москву состояла из десяти человек, – продолжает диакон. – Они тут в основном и работали. В день до пятисот человек расстреливали. А потом водитель, который еще недавно был жив, рассказывал нам, что как-то привез людей для исполнения приговора, на расстрел, а во рву вся расстрельная команда лежит. Он, понимаете, увидел их всех лежащими во рву! На него это произвело сильное впечатление.

– А правда, – спрашивают его, – что раньше тут был яблоневый сад?

– Да! – очень оживляется он. – Был! Даже когда их расстреливали, он еще был. Яблоки в детские дома возили... Но людей все-таки закапывали тракторами и бульдозерами, и почти все яблони снесли. Но, кстати, еще некоторые остались. Яблоко что-то давно нет, правда.

Мы возвращаемся в храм. Я вижу здесь уполномоченного по правам человека Владимира Лукина. Он протиснулся куда-то в сторону от алтаря. Я спрашиваю его, как вышло так, что Владимир Путин приезжает сегодня сюда.

– Так ведь сегодня День памяти жертв политических репрессий. – Он смотрит на меня с таким недоумением, словно президент страны каждый раз приезжает в этот день на могилы политзаключенных.

– Разве он делал это раньше хотя бы раз?

– Ну знаете, – говорит Владимир Лукин, – если бы он сегодня не приехал, это невозможно было бы понять. Сегодня еще ведь 70 лет пику государственного террора. СССР, как вы помните, провозгласил террор государственной политикой, а Россия является правопреемницей...

Я думал, он скажет – государственного террора.

– ...правопреемницей СССР, – закончил он. – И, значит, отвечает за все. Готова отвечать. Отвечает...

Он сказал, что это он, «если честно, написал письмо президенту».

– Я предложил, если есть возможность, полететь самолетом, слетать в Магадан, там памятник Эрнста Неизвестного стоит, там же основные лагеря... – Владимир Лукин как-то разволновался и от этого говорил и выглядел странно заносчиво. – А если нет, то куда-то в Подмоскovie съездить... Нет, я не говорил про Бутово, это они как-то сами... Патриарх же здесь бывал... Я просто писал письма.

Патриарх и президент появились в храме вместе. Патриарх шел с трудом, опираясь на посох. Поднявшись к алтарю, он перед началом службы благодарил президента за то, что тот посещает «одну из русских Голгоф».

– Мы должны помнить тех, – сказал он, – кто отдал свои жизни за веру и правду. Совершая богослужение на Бутовском полигоне, мы молимся за них. И мы просим прощения перед этими людьми, молимся об укреплении нашей веры в наше Отечество.

Владимир Путин внимательно слушал патриарха. Он словно проверял, каких слов, по мнению святейшего, заслуживают расстрелянные.

После короткого молебна он и патриарх возложили цветы к огромному кресту с церковной вязью и пошли на полигон. Они прошли его насквозь. У небольшого деревянного креста был еще один молебен, певцы из хора в теплых куртках поверх ряс пели так громко, что мне казалось, будто их слышно даже на МКАД, километрах в трех отсюда. В этот момент как будто даже прекратилось движение машин по кольцевой дороге, и не было слышно этого бесконечного рева в холодном воздухе, и только потом я понял, что движение же, наверное, и правда перекрыли из-за приезда президента.

Подойдя к деревянной церкви, президент сказал несколько слов журналистам. Эти слова имели значение. Они имели большое значение. Он сказал, что «трагедии такого рода повторялись в истории человечества неоднократно, и все это случалось, когда привлекательную на

первый взгляд, но пустую на поверку идею пытались ставить выше основных ценностей – человеческой жизни, ценности прав и свобод человека».

Это было то, что от Владимира Путина очень хотели услышать родные миллионов расстрелянных политзаключенных и очень много других людей. И он никогда раньше не называл коммунистическую идею пустой. Как-то он это так просто и понятно сказал, что я ему сразу поверил.

– Все мы хорошо знаем, – продолжил Владимир Путин, – что 37-й год, хотя он и считается пиком репрессий, был хорошо подготовлен предыдущими годами жестокости. Достаточно вспомнить расстрел заложников в годы Гражданской войны, уничтожение целых сословий – духовенства, российского крестьянства, казачества.

То есть Владимир Путин не сделал никакого акцента на исключительной роли Иосифа Сталина. Наоборот, он убрал этот акцент.

– Для нас это особая трагедия, – продолжил он. – Масштаб ее колоссален – сосланы, уничтожены, расстреляны были десятки тысяч, миллионы человек. Причем прежде всего люди со своим собственным мнением, которые не боялись его высказывать... Уничтожались наиболее эффективные люди, цвет нации. Мы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Нам надо многое сделать, чтобы это никогда не забывалось, чтобы вспоминать об этой трагедии.

На самом деле для этого оказалось достаточно передать Бутовский стрелковый полигон НКВД Церкви.

– Но память нам нужна не сама по себе, – говорил президент. – А чтобы определять пути для развития страны... Политические споры, баталии, борьба мнений нужны, но нужно, чтобы этот процесс был не разрушительным, был созидательным.

Теперь должно было стать понятней, почему «Единая Россия» не примет участия в предвыборных дебатах. Они, видимо, рискуют стать разрушительными.

Владимир Путин должен был после этого пойти в домик при церкви, там накрыли стол с чаем. Но он остановился возле стенда, на котором было отмечено, сколько людей каждый месяц расстреливали на Бутовском стрелковом полигоне.

Я, может быть, первый раз увидел растерянного президента.

– Умопомрачение какое-то, – пробормотал он. – Кажется, что это невозможно. За что?!

Он смотрел на настоятеля храма отца Кирилла и словно ждал от него ответа на свои вопросы. Казалось, Владимир Путин искренне не понимает, до какого состояния может прийти глава такого государства, которое оказалось вот и у него, Владимира Путина, в руках (и уже даже уходит из них), чтобы творить такое.

Ему, видимо, было важно это понять. Он, наверное, как-то совсем не мог представить себя в такой роли на этом месте, которое сам занимает уже столько лет, и хотел понять, что же должно было случиться с человеком, чтобы стать палачом. Что-то же такое случилось. Событие какое-то, может быть. Случай, что ли.

Отец Кирилл, внук одного из расстрелянных на полигоне, развел руками и добавил, что здесь расстреляли мальчика двенадцати лет. Разрешалось расстреливать только с пятнадцати, и мальчику приписали в документах три лишних года. И расстреляли бабушку, которой было далеко за семьдесят, и тоже непонятно за что.

– Может, она олицетворяла какое-то нравственное начало в своей деревне?! – предположил отец Кирилл.

Он тоже всего этого искренне не понимал.

* * *

Через 10 лет после посещения Бутовского полигона, вечером 30 октября 2017 года Владимир Путин принял участие в открытии Стены скорби – мемориала памяти жертв политических репрессий.

Стена скорби, может, лучшее, что создал скульптор Георгий Франгулян за свою жизнь. И даже наверняка. По крайней мере, это точно главное. Огромный двусторонний горельеф, состоящий, как сказал режиссер Павел Лунгин, из бессловесного хора неживых людей... Несколько проходов в горельефе в высоту чуть больше человеческого роста – чтобы можно было остановиться и почувствовать себя частью этого великого множества.

– Свет! – подбежал к Павлу Лунгину Георгий Франгулян. – Они выключили свет!

Оказалось, что в какой-то момент и в самом деле было выключено освещение фронтальной части Стены. Подсвечена была только тыловая часть. И здесь уже строился еще один хор, каждый человек из этого хора был под отдельным зонтом, потому что лил дождь, было холодно и ветрено. Темноту раздвигали прожекторы, от всего этого было просто не по себе.

Там, на неосвещенной стороне, собирались участники церемонии – человек сто их тут было, почти все в креслах-каталках, и было сразу понятно, что это и есть жертвы репрессий, уцелевшие жертвы. Они еще не знали, что церемонию перенесли туда, где ее, наверное, никогда не проводили: памятник решили открыть с тыла. Люди терялись в догадках. Их попросили переехать туда, к микрофону и хору. Они долго и медленно двигались через эти проходы в своих колясках... И то, что я видел сейчас, означало для меня, что церемония открытия уже состоялась.

И мне кажется, я понимал, что произошло. Слишком уж открытой была фронтальная часть, обращенная к Садовому кольцу и к проспекту Сахарова, и может, показалась кому-то в последний момент беззащитно открытой...

Но ничего тут не было беззащитней этих людей в инвалидных колясках.

– А знаешь, – громко говорил один старик, наклоняясь к другому: они оба, видимо, плохо слышали. – Я, наверное, мог бы обнять внуков своих палачей... Да, я мог бы.

– Что ты сказал?! – И я подумал, что не понимаю: он не расслышал или возмутился.

– Да, именно. Они не виноваты.

– А детей не мог бы? – переспросил его второй, со странной насмешкой.

– Детей нет, – признался первый. – Детей еще не мог бы...

Я подумал, что разговоры эти они ведут половину своей жизни, а может, больше, и все вопросы и ответы свои знают лучше своих друзей, и будут вести до конца своей жизни, потому что ничего в этой жизни важнее для них нет.

Я увидел главного редактора «Новой газеты» Дмитрия Муратова с цветами в руках, который сейчас был интересен тем, что был в жюри, которое выбирало проект мемориала. Он рассказал, что голоса за Георгия Франгуляна были отданы почти единодушно, хотя были и другие талантливые проекты. Так, один скульптор предложил сделать мемориал из сталинских высоток, которые, в свою очередь, предложил изготовить из лесопильного бревна...

Другой проект состоял из зеркал, в которых отражалось все вокруг, кроме людей, потому что нет человека – нет, как известно, и никакой проблемы...

Или такой: наклоненные друг к другу под большим углом вышки... Правда, Наталия Солженицына, увидев этот проект, испуганно сказала, что это же памятник охране.

Дмитрий Муратов показал на довольно молодого человека, проходившего мимо:

– Это Роман Романов, директор Музея ГУЛАГа... Без него, может, и не вышло бы. Он герой...

Герой был, как и полагается всякому настоящему герою, скромн и застенчив.

– А вы знаете, что Франгулян работал безо всякой прибыли? – спросил меня Дмитрий Муратов. – У него в те годы тоже были жертвы...

Откуда же я мог это знать? Я знал только, что, по неофициальным, но проверенным данным, на строительство мемориала было истрачено 600 млн руб. и что в основном это были деньги московской мэрии. И было много частных пожертвований. Что немаленькие деньги пожертвовал, например, тогдашний первый заместитель главы президентской администрации Вячеслав Володин. Потому что у него тоже были жертвы...

Начали собираться члены Совета по правам человека при президенте, заседание которого закончилось за четверть часа до этого в Кремле. Они приехали на автобусах, в одном из которых ехал и российский президент.

Теперь они говорили про это заседание, а один из них рассказывал мне, что год назад обсуждали, должен это быть памятник жертвам сталинских или политических репрессий.

А другой убеждал его:

– Конечно, политических, причем начиная с октября 1917 года...

– И заканчивая?.. – не удержался я.

Нет, я так и не смог получить удовлетворительного ответа...

В Бутово, десять лет назад, конечно, все это было более пронзительно. Ты идешь и понимаешь, что идешь, собственно говоря, по людям. Под твоими ногами земля, где лежат десятки тысяч людей расстрелянных. И вот их фамилии здесь же. Ты не можешь не чувствовать просто подошвами своими этих людей. И хотя это было довольно давно, я думаю, что он помнит все, что с этим связано. И на него тот полигон без мемориала, который он открывал в этот раз, произвел гораздо большее, мне кажется, впечатление, чем сам мемориал. Хотя мемориал, на мой взгляд, несомненная удача архитектора. Поступок с его стороны. Эта та ситуация – редкая ситуация, – когда очень хорошо поработали и комиссия, и жюри, отобрав эту работу при таком количестве достойных вариантов. Удивительно даже, что все так вышло с этим монументом. Но монумент – он и есть монумент, а расстрелянные люди – это полигон Бутово.

А этот вопрос «за что?»... На такой вопрос, я думаю, никто не может ответить. Никогда. На такой вопрос, мне кажется, можно всю жизнь отвечать. И я не думаю, что на такой вопрос есть для каждого человека удовлетворительный ответ. Потому что нет причины, по которой это могло бы быть. И в этом смысле это вопрос риторический. Такой великий риторический вопрос. На который Владимир Путин не сможет никогда (да и не должен на самом деле) ответить, потому что вопрос риторический.

Да и не думаю я, что он задает себе такой вопрос каждый день. Я думаю, что свое отношение к репрессиям, к Сталину он давно определил. Отношение к репрессиям у него отличается от отношения к Сталину. К Сталину у него отношение сложное. А к репрессиям – однозначное. И отношение к Сталину у него является частью его отношения к репрессиям. Но этим не исчерпывается. Интересно, что с ним на эту тему, мне кажется, и именно в таких выражениях никто не разговаривал особенно. Глубоко, про отношение к Сталину... нет, я такого разговора не припомню. Ну, наверное, тут дело в том, что это не исчерпывается одним вопросом, их должно быть несколько, и каждый следующий должен быть глубже предыдущего. Тут надо, что называется, копать и копать. И вот как раз и ему самому, может быть, надо копаться к себе. И такой разговор с журналистом, возможно, мог бы помочь ему просто

возненавидеть этого человека. А не пытаться еще и при этом отдать ему должное.

Тут началась церемония, выступил Владимир Путин, который говорил, что «репрессии не щадили ни талант, ни заслуги перед родиной, ни искреннюю преданность ей, каждому могли быть предъявлены надуманные и абсолютно абсурдные обвинения. Миллионы людей объявлялись врагами народа, были расстреляны или покалечены, прошли через муки тюрем, лагерей и ссылок. Это страшное прошлое нельзя вычеркнуть из национальной памяти и тем более невозможно ничем оправдать, никакими высшими так называемыми благами народа».

Все это были правильные и, наверное, очень нужные людям, которые сейчас сидели перед ним в колясках и на стульях, слова, а только когда он просто молчал, приехав десять лет назад на Бутовский полигон, и только смотрел на списки расстрелянных там людей, это, может, было еще правильной.

Он и про это вспомнил:

– Когда речь идет о репрессиях, гибели и страданиях миллионов людей, то достаточно посетить Бутовский полигон, другие братские могилы жертв репрессий, которых немало в России, чтобы понять – никаких оправданий этим преступлениям быть не может... И в заключение хотел бы попросить разрешения у Натальи Дмитриевны Солженицыной, хотел бы процитировать ее слова: «Знать, помнить, осудить. И только потом – простить». Полностью присоединюсь к этим словам...

Наталья Солженицына тоже, конечно, была на этой церемонии, почему-то не выступила, однако выступил патриарх Кирилл, и тоже ни к одному слову нельзя было придраться.

А потом – Владимир Лукин, глава совета Фонда памяти жертв политических репрессий, который закончил эпически. Он рассказал, что у него есть мечта: чтобы будущие президенты давали клятву верности своему народу именно здесь, на этом месте.

Поскольку Владимир Путин стоял сейчас на этом месте и все слышал, то можно будет проверить, внял ли.

Он возложил цветы и уехал, перед этим подойдя к этим людям, а они еще долго сидели, не двигаясь с места, и одна самая, может, пожилая тут женщина, которую убеждали ехать домой, потому что простудится иначе же обязательно, пожимала плечами:

– Да я же на плед села... Мне тепло тут. Мне тут хорошо.

Про врагов

Самым громким событием турне Владимира Путина по странам Евросоюза стала прошедшая 6 ноября 2003 года в Риме пресс-конференция руководства Европейского союза, премьер-министра Италии Сильвио Берлускони и президента России Владимира Путина, в которой активное участие принял французский журналист Лоран Зэкини из газеты Le Monde, которому Владимир Путин годом раньше предложил сделать обрезание.

Секретарь Еврокомиссии Романо Проди рассказал, что Россия должна вступить в ВТО в следующем году. После этого господин Проди заявил, что задал российскому президенту вопрос про ЮКОС. Он оговорился, что вопрос этот, конечно, внутренний, но Евросоюзу не безразличный.

– Закон, заверил нас президент Путин, не нарушался и не нарушается, – закончил он свою мысль.

Было совершенно непонятно, как сам господин Проди относится ко всему этому. Но, очевидно, его задача и состояла именно в том, чтобы скрыть свое личное отношение.

Был задан вопрос, не собирается ли Россия в ближайшее время перейти на расчеты в евро в деле энергообмена с Евросоюзом. Господин Путин отвечал, что Россия не против, но есть проблемы, решение которых не зависит от него. Так, торговля нефтью на биржах идет в долларах. Таким образом, господин Путин давал понять, что, была бы его воля, и Россия давным-давно торговала бы в евро.

Следующий вопрос должна была задать девушка, сидевшая, как и я, в третьем ряду. Я видел, как она уже взяла микрофон. В эту секунду пресс-секретарь ЕС Рейо Кемппинен, высокий лысый человек, сделал знак рукой и показал ей на человека, сидевшего рядом. Девушка растерянно посмотрела на соседа. Он тем временем забрал у нее микрофон и задал вопрос.

Вообще-то на этой пресс-конференции распоряжались два других пресс-секретаря – итальянского и российского лидеров. Они и согласовывали между собой тех, кто будет задавать вопросы. Но пресс-секретарь ЕС не захотел быть статистом.

Между тем я сразу узнал журналиста, задающего вопрос. Более того, я, можно сказать, никогда и не забывал этого лица. Моя память хранит его как самое дорогое воспоминание. Именно этот дядя из газеты Le Monde год назад задал Владимиру Путину вопрос про Чечню в Брюсселе, на таком же саммите Россия – ЕС, и тут же получил предложение сделать обрезание. И вот он уже спрашивает про диктаторский режим, складывающийся в России в связи с Чечней и делом ЮКОСа:

– Нет ли по этому поводу разногласий у ЕС и России и сохранится ли в России правовое государство?

– Нет! – твердо ответил Владимир Путин.

Трудно сказать, к чему относилось это «нет». В отчаянной попытке быть беспристрастным я скажу, что оно, возможно, выражало отношение господина Путина к этой ситуации в целом. Российский президент был взбешен и не скрывал этого. То, что он ответил бы сейчас, по мощности заряда должно было перекрыть все, что он когда-либо говорил про террористов в сортире и журналистов на хирургическом столе. Сказанное им обречено было стать журналистским хлебом на многие месяцы вперед. Эти слова могли сделать его предвыборную кампанию или погубить ее. Эти мгновения должны были, короче говоря, стать моментом истины для президента России.

– Нет! – еще тверже повторил он, словно набирая в грудь побольше воздуха.

И в эту секунду на руку Владимира Путина легла тяжелая рука Сильвио Берлускони. Инстинктивно господин Путин попытался вырвать руку, но итальянский премьер, видимо, был готов и не дал этого сделать.

– Я тоже хотел бы добавить пару слов, – с нажимом произнес Сильвио Берлускони, не отпуская руку коллеги. – В печати Европы существует искаженное видение деталей...

Он спасал своего коллегу. Зачем он это делал? Может, они и правда друзья... Он тащил Владимира Путина, не очень выбирая выражения, а главное – крепко держа его руку.

– Вот есть мнение, что в Италии нарушается свобода печати, – говорил итальянский премьер-министр. – При этом 85 % печати свободно критикует меня или даже относится ко мне и к правительству откровенно враждебно. То же самое и по другим вопросам. Что касается ЮКОСа, у меня есть прямая информация от итальянцев, живущих в России: российские фирмы, продающие нефть, нарушают закон!

Интересно, конечно, посмотреть на этих итальянцев, живущих в России, которые напрямую поставляют информацию своему премьер-министру. На месте российских спецслужб я бы всерьез заинтересовался этими парнями.

– Я знаю, что президент Путин делает различие между исполнительной и законодательной властью, – продолжал господин Берлускони. – Он делает это!

Тут господин Берлускони на секунду притормозил. Он, похоже, все-таки понял, как выглядит в этот момент, и сказал, скосив глаза на коллегу:

– Я вам потом выпишу счет как ваш адвокат... в евро.

И продолжил:

– Теперь насчет Чечни. Там был референдум. Подавляющее большинство голосовавших решило принадлежать Российской Федерации. Чечне была дана возможность через выборы получить президента. Кроме того, ЕС сам решил, что не надо посылать наблюдателей на эти выборы. Давайте посмотрим в лицо фактам!

Закончив, он наконец убрал свою руку с руки господина Путина. Тот к этому моменту производил впечатление уже совершенно спокойного человека.

– Готов вам заплатить, – кивнул он своему коллеге. – Стоит того. Впервые мы имеем такого солидного адвоката.

Отношения Владимира Путина с коллегами – бывшими и ныне действующими – очень разные, конечно. Шрёдер до сих пор ему близок, как говорится. Он председатель совета директоров то одной крупнейшей российской компании, то другой, то третьей. Очень преданный Владимиру Путину человек. До сих пор. Тем более что он в результате этой работы явно не беднеет.

Ну, конечно, у него очень тесные отношения с Берлускони. Не всегда это афишировалось, но известно, что Путин к нему ездил отдыхать на виллу, когда работал президентом. Буквально мог на выходные, как говорится, туда-обратно метнуться. Эти отношения сохранились, и можно заметить, что любые нападки на Берлускони... а их много было... встречали жесточайший отпор со стороны Путина, если происходили в его присутствии. Это продолжалось и раньше, и, я уверен, будет продолжаться до самого конца.

И Владимир Путин стал говорить про Чечню – практически то же самое, что сию секунду произносил его коллега. Следовало признать, что господин Берлускони довольно толково передал его позицию. Видимо, он слышал ее уже столько раз, что, толкни его ночью, и он выпалит все это не просыпаясь.

После этого господин Путин дошел до господина Ходорковского. И тут он посмотрел на французского журналиста, который задавал вопрос. А я подумал о том, что надежда получить искренний эмоциональный ответ все-таки осталась, несмотря на весь энтузиазм господина Берлускони.

– Я понимаю, что задание вам поставлено, надо его отработать – и я отвечу на этот вопрос, – сказал он.

Бедный француз мгновенно вспотел и покраснел.

– Конечно, люди, которые за пять-шесть лет заработали миллиарды долларов... ни в одной западноевропейской стране такой результат был бы невозможен... возможно, заработали их законно. Но, заработав миллиарды, они потратят десятки, сотни миллионов, чтобы спасти миллиарды. Мы знаем, куда тратятся эти деньги: на каких адвокатов, на какие пиаровские кампании, на каких политиков. В том числе и на то, чтобы задавать эти вопросы.

Обвинение, брошенное господином Путиным французскому журналисту, было тяжелым. И я уверен, что пострадавшим. Похоже, Владимир Путин искренне уверен в том, что все журналисты, так или иначе выражающие поддержку ЮКОСу, куплены этой компанией. Причем это касается и западных журналистов.

Между прочим, что мешает, например, Лорану Эркини предположить в ответ, что и Сильвио Берлускони защищает Владимира Путина не задарма? Так, после этой пресс-конференции сразу стали говорить, что господин Путин обменял поддержку коллеги на что-то очень материальное, и скорее всего на газ, – договорились же они, что одна итальянская фирма будет заниматься реэкспортом российского газа, и это решение стало абсолютно беспрецедентным.

Мне-то все-таки кажется, что все проще – Сильвио Берлускони защищал Владимира Путина потому, что испугался за него, поняв, что тот сейчас может наговорить сам.

То, что дальше произнес господин Путин, много дает для понимания ситуации с ЮКОСом:

– У нас проблема есть, и я бы разделил ее на две части. Первая часть заключается в осмыслении того, что произошло в процессе приватизации в начале 90-х годов. Нам часто говорят: «Такие сложные законы. Поэтому, если мы что-то и нарушили, давайте не будем об этом говорить. А вот эти остальные 145 млн граждан – давайте их даже не будем беспокоить на эту тему, их это не касается». Сомневаюсь, что такая логика была бы приемлема в любом демократическом государстве.

Во-первых, должен сказать, что, даже если законы и были сложными, противоречивыми, их надо было бы все-таки исполнять. Второе – особое внимание государства должны привлекать случаи, когда в процессе дележа государственной собственности были совершены преступления против личности. В том числе убийства. Некоторые из арестованных – а это целая группа лиц – подозреваются именно в организации убийства. И наконец, третье – все должны исполнять действующие законы сегодня. Никто сегодня не должен уклоняться от исполнения законов. А в числе претензий к арестованным – в том числе и неисполнение законов в последнее время, в 1999 году, в 2000-м... Наша цель – не пощипать отдельных бизнесменов, а навести порядок в стране. И мы будем это делать последовательно и жестко. Вне зависимости от попыток этих людей защищаться, используя в том числе и шантаж. Шантаж государственной власти бесперспективен.

Ну вот и все. Все, что говорил президент России днем раньше (прежде всего о недопустимости отзыва лицензий ЮКОСа на нефтяные месторождения), было похоронено этим обвалом.

Наступила небольшая пауза. Потом от Евросоюза выступил Хавьер Солана, до этого вообще молчавший:

– Верховенство закона – это очень важно. Давайте помнить об этом...

Он, видимо, понимал, что надо же как-то реагировать на все это, но не мог собраться с мыслями.

Господин Проди сказал, что это ведь он сам спросил сегодня утром президента России про ЮКОС:

– Я поставил этот вопрос! И я получил ответ.

Я думаю, в истории с ЮКОСом было что-то и очень личное. Я был на том совещании, на котором, как считается, Ходорковский публично задавал Путину такие мрачные вопросы. Но тогда, что называется, Ходорковский первый начал – и просто не мог не заслужить «обратку». Многие думают, что личное было в том, что у Ходорковского была идея парламентской республики, и эта идея была покушением на личную власть Владимира Путина. В этом смысле говорили, что это было личным для Путина.

Но я так не считаю. Это было бы слишком просто, да и реальной угрозы Путину тут не было. Дело даже не в том, что Путину была несимпатична совсем эта идея, хотя, конечно, она ему была несимпатична. Во главе этой гипотетической парламентской республики наверняка стоял бы все равно Путин. Хотя сама идея ему, конечно, не нравилась. Но гораздо больше его, говорят, завело тогда то, что ему доложили – в деталях, – что Ходорковский покупает голоса в Госдуме и скоро скупит всю Госдуму.

Но я думаю, было еще что-то, совсем уж личное, действительно личное. Такое, чего нельзя простить. Я могу только предполагать, что это такое было. Ну, в крайнем случае не было.

И было, как я понимаю, несколько предупреждений, недвусмысленных знаков Ходорковскому, чтобы тот остановился. Чтобы не делал этого. Но тот как-то не внял.

Он ничего не сказал о том, удовлетворил его этот ответ или нет. Он, видимо, и хотел дать это понять: я же, мол, не говорю, что нам в Евросоюзе все это очень нравится. Но мы же дипломаты с хорошим стажем.

И уже через несколько часов стало известно, что Романо Проди собрал журналистов и заявил им, что адвокатская деятельность господина Берлускони является его личной инициативой и не отражает позиции всего Европейского союза. Заминка при этом, конечно, в том, что именно господин Берлускони сейчас является председателем этой организации.

Но все это по большому счету не имеет никакого значения. Проблемы с руководством Евросоюза господин Путин компенсирует дружбой с главами государств этого союза. А эта дружба уже прошла некоторые испытания.

* * *

10 февраля 2007 года президент России Владимир Путин выступил на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Выступление российского президента было настолько агрессивным по отношению к США и НАТО, что иногда Владимиру Путину не хватало в руках знаменитой туфли, которой в свое время стучал по трибуне ООН генсек ЦК КПСС Никита Хрущев.

Конференция началась с выступления канцлера Германии Ангелы Меркель. Она сидела в зале, где ее окружали друзья: министры обороны стран НАТО, сенаторы США, депутаты бундестага и Европарламента, эксперты, бизнесмены из 40 стран мира... Здесь был президент Украины Виктор Ющенко, слушавший Ангелу Меркель с таким вниманием, будто представлял себе на ее месте Юлию Тимошенко. И совершенно, по-моему, не слышал Ангелы Меркель президент России Владимир Путин, который был полностью захвачен подготовкой к своему докладу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.